

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ АСПИРАНТОВ

Выпуск I

Москва
2016

ББК 67.404

С 23

С 23 Сборник научных статей аспирантов / Под ред. д.ю.н., проф.
О.И. Чердакова. Вып. I. – М.: Международный юридический
институт, 2016. – 138 с.

Сборник научных статей аспирантов Международного юридического института сформирован из материалов, подготовленных студентами аспирантуры, и отражает некоторые положения научных школ, функционирующих на кафедрах Института.

Сборник подготовлен с учетом требований ФГОС ВО: уровень высшего образования подготовка кадров высшей квалификации, направление подготовки 40.06.01 юриспруденция, с целью развития способностей к критическому анализу и оценке современных научных достижений, генерирующих новые идеи при решении исследовательских и практических задач, в том числе и в междисциплинарных областях, формирования общепрофессиональных компетенций, связанных с владением методологией научно-исследовательской деятельностью в области юриспруденции.

В студенческих работах представлены научные суждения, раскрывающие актуальные вопросы, касающиеся: теоретических аспектов функционирования институтов правовой среды; деятельности современной пенитенциарной системы; формирования политико-правовой идеологии; проблем историко-правового анализа уголовного законодательства; особенностей развития права собственности; современных подходов организации борьбы с преступлениями, с использованием современных информационно-коммуникационных технологий и, в частности, сети Интернет; эволюции уголовной ответственности за причинение имущественного вреда; функционирования в РФ стандартов правосудия; особенностей развития правовой культуры в современном правовом пространстве; противостояния различным идеологическим концептам террористической направленности и формированию контрпропагандистской работы, направленной на снижение рисков террористической угрозы.

ISBN 978-5-902416-77-7

© Международный юридический институт, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Арустамов Д.А. Этимологическое значение термина «легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем»	5
Шлепов А.М. Основные тенденции развития идеи монархической власти в политико-правовой идеологии России в XVI веке	13
Арустамов Д.А. Исторический анализ российского уголовного законодательства об ответственности за легализацию доходов, приобретённых преступным путем	17
Сайфутдинов А.А. Пенитенциарная система: принципы формирования и развития	20
Кириленко Е.Н. Возникновение и становление права собственности в России как правовой дефиниции	26
Замиралова Е.С. Возникновение и развитие третейского суда в период Древнерусского государства	30
Дюков А.С. Юридическая квалификация владения в господствующей теории	34
Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием сети «Интернет»: особенности предупреждения	37
Михайлова М.Н. Влияние политико-правовой модернизации российского общества на состояние законности	43
Ларионова А.О. Эволюция уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием	49
Казакевич О.М. Прогнозная составляющая мониторинга правоприменения	61
Жданова Ю.А. Современные подходы к пониманию стандартов правосудия	67

Никульцева А.Н.	Анализ законодательства стран Евросоюза в системе противодействия мошенничеству в сфере биржевого оборота ценных бумаг	74
Доценко Е.А.	Правовая культура в современной России	85
Разговоров Д.Н.	Научные, философские, правовые знания – основа интеллектуального развития молодежи	89
Родионова О.В.	Факторы, влияющие на формы осуществления контрпропаганды Советского Союза в послевоенный период	97
Белякова О.В.	Правовая среда как социальное образование	102
Гафуров Я.М.	О реформах правоохранительной системы в правовой среде современной России: мнимых и истинных	105
Джаназян В.Г.	Деструктивное влияние идеологии террора на правовую семью мусульманского права	113
Попова О.В., Москвитин И.В.	Отдельные аспекты гражданско-правовых отношений страхования в сфере медицины в свете реализации права граждан на бесплатную медицинскую помощь	118
Исламов А.М.	Массовые беспорядки и государственное принуждение. Оружие и предметы, используемые в качестве оружия при массовых беспорядках, как элементы объективной стороны преступления	132

Арустамов Д.А.,

аспирант Международного юридического института
Arustamov D.A.,
postgraduate student of the International Law Institute

**Этимологическое значение термина
«легализация (отмывание) денежных
средств или иного имущества,
приобретенных преступным путем»**

**Etymological significance of the term «legalization
(laundering) of money» resources or other property,
acquired by a criminal way»**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы подхода к определению «легализация преступных доходов». Предлагаются различные дефиниции данного понятия, существующие в юридической науке. Представлен ряд синонимов данного термина, сделан логический вывод о правильности и необходимости употребления всех синонимов термина «легализация преступных доходов» в криминологии и уголовном праве.

Ключевые слова: легализация денежных средств, отмывание денежных средств, отмывание доходов от преступной деятельности, отмывание «грязных» денег, «отбеливание» денег.

Annotation. In the article approach questions to definition «legalisation of criminal incomes» are considered. The various definitions of the given concept existing in jurisprudence are offered. A number of synonyms of the given term is presented, the logic conclusion is drawn on correctness and necessity of the use of all synonyms of the term «legalisation of criminal incomes» in criminology and criminal law.

Keywords: legalisation of money resources, money laundering washing up of incomes of criminal activity, a money-laundering, bleaching of money.

В юридической науке, прежде чем выявлять сущность исследуемого объекта, необходимо знать его смысловое значение. Не случайно В.Н. Савицкий, определяя конкретную роль понятия права, подчеркивал, что особенностью правовых терминов является их роль стержня, «вокруг которого концентрируются все другие языковые единицы, служат скелетом, который обрастает, обволакивается словесной тканью» [15, с. 9].

Формулировка и определение понятия легализации преступных доходов являются не чем иным, как логической завершенностью суждений о данном явлении и его сущности. Проведенный нами анализ специальной литературы, посвященной вопросам противодействия легализации преступных доходов, показывает, что одной из самых дискуссионных на протяжении последних десяти лет остается проблема использования разнообразных терминов и их определений, характеризующих одно и то же явление, которые содержат хотя и не исключающие друг друга суждения, однако не всегда верно раскрывают суть рассматриваемого нами явления.

Специалисты используют следующие термины: «легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем», «легализация (отмывание) преступных доходов», «легализация незаконных приобретений», «легализация доходов, приобретенных в результате совершения преступления», «отмывание доходов от преступной деятельности», «преступления, связанные с легализацией преступных доходов», «отмывание «грязных» денег», «чистка денег», «отбеливание денег», «ополаскивание», «рециклирование», «отжимание» и т.п.

Взаимосвязь теории и практики отчетливо просматривается при решении терминологических проблем. Исходя из этого, разработка абсолютно точной формулировки, раскрывающей содержание легализации преступных доходов, должна была предшествовать ее криминализации [12, с. 39].

Полагаем целесообразным обратиться к этимологии (значению) существительных «легализация», «отмывание» и производных от них глаголов «легализовать» и «отмыть», памятуя о том, что любой термин, используемый в науках об обществе, основывается на филологическом фундаменте.

Толковые словари русского языка не содержат понятия «легализация», однако при обращении к толковому словарю иноязычных слов

данный термин определяется следующим образом: «переход на легальное положение, придание чему-нибудь законной силы» [7, с. 387]. В свою очередь, глагол «легализовать» толкуется как «перейти на легальное положение» [12, с. 321].

По мнению К.Н. Алешина, «если следовать приведенному определению, то в результате операций по легализации преступные денежные средства должны не просто «получить правомерный вид», но стать абсолютно «легальными», то есть потерять статус преступно нажитых, и не подлежать конфискации даже в случае раскрытия преступления, ставшего их источником. Однако этого не происходит. Сами средства не теряют статуса преступно нажитых. Просто преступник маскирует их, придает им вид приобретенных правомерно. То есть средства не становятся «легальными», а операцию по маскировке их преступной сути нельзя называть «легализацией». Таким образом, термин «легализация» не только не соответствует мировой юридической практике, но и не отвечает этимологическому значению, которое имеет это слово в русском языке» [1, с. 72]. Аналогичная позиция высказывается О.Ю. Якимовым, по мнению которого «использование термина «легализация» в отношении отмывания преступных доходов является терминологической ошибкой и поэтому от его использования необходимо отказаться» [18, с. 121].

Проведенное исследование не позволяет согласиться с такой позицией лишь на том основании, что на конечной стадии легализации денежные средства или иное имущество приобретают не просто мнимый статус легальных, а фактически становятся таковыми. Любой денежный капитал имеет характерную особенность – через две-три коммерческие операции исчезают явные идентифицирующие признаки капитала и история его происхождения, что дает возможность превращать «грязные» деньги, то есть добытые преступным путем, в «чистые», якобы поступившие из законного источника [5, с. 22]. Именно в этом и состоит сущность действий по легализации доходов, имеющих противоправное происхождение. Проведенное интервьюирование сотрудников ОВД, в компетенцию которых входит противодействие легализации преступных доходов, и работников финансово-кредитных учреждений показало, что подавляющее большинство респондентов (91%) считают, что на денежные средства, прошедшие все этапы «очистки», невозможно наложить арест и признать их преступными в связи с тем, что теряется их связь с реальным источником происхождения.

Более того, слово «легальный», которым оперируют вышеуказанные авторы, означает признанный, допускаемый законом [12, с. 321], то есть, следуя логике подобных рассуждений, легализованные деньги приобретают статус признанных государством, следовательно, их дальнейшее использование допускается наравне с доходами, имеющими законное происхождение.

Интересна позиция В.А. Бодрова, который, предлагая отказаться от использования в законодательстве термина «легализация», все же высказывает мнение, подтверждающее нашу позицию. В своем диссертационном исследовании он пишет: «Слово «легализация» уместно лишь в увязке со словами «капитал», «имущество», «доход», при этом не заключая первое в кавычки, в контексте налоговой амнистии доходов, с которых не были уплачены налоги [13, с. 7]. Такое его употребление вполне справедливо, поскольку полностью соответствует его значению» [2, с. 17]. При налоговой амнистии также происходит легализация доходов: денежным средствам, приобретенным преступным путем, придается статус законных. Вместе с тем такой официальный статус условно законных денег лишь допускается государством, при этом реальный источник их происхождения как был, так и остается криминальным.

Однако высказанные О.Ю. Якимовым и К.Н. Алешиным суждения не могут быть признаны в полной мере ошибочными. Данные точки зрения – яркий пример превалирования одностороннего подхода специалистов к исследованию такой сложной и многогранной проблемы, как легализация преступных доходов, являющейся одновременно политическим, социальным, правовым и экономическим явлением. Большинство ученых-юристов ограничивают методы исследования только правовым инструментарием, применение которого и приводит к неверным выводам. Действительно, с позиции права доходы от преступной деятельности не могут быть признаны законными ни при каких обстоятельствах, с другой стороны, многоэтапность экономических операций по легализации противоправных доходов позволяет разорвать всякую экономическую связь с владельцем денег и «подменить» источник их происхождения на абсолютно легальный.

Затрудняют понимание сущности легализации преступных доходов отсроченность и вероятностный характер ее последствий. Все это лишний раз подтверждает, что требование комплексного подхода к изучению сложных социальных явлений – это не модное течение тео-

ретической науки, а насущная необходимость, продиктованная объективной действительностью. С учетом этого требования должно строиться и планирование мер противодействия легализации противоправных доходов. Резюмируя изложенное выше, автор считает вполне обоснованным использование термина «легализация».

Что же касается существительного «отмывание», то его понятие, используемое в качестве синонима «легализации», ни в одном из толковых словарей русского языка нам не встретилось, однако глагол «отмыть» рассматривается в них как: «Мытьем очистить от грязи...» [9, с. 404], в то же время «отмыться» – это: «1. Очиститься или исчезнуть от мытья» [9, с. 404], «2. От мытья стать чистым» [12, с. 475]. На этом основании можно сделать вывод, что в русском языке в значении, используемом в международных нормативных правовых актах, слово «отмывание» не употребляется. Аналогичного мнения придерживается И.Г. Тер-Аванесов, который считает, что термин «отмывание» был «изобретен» преступным миром и в течение почти полувека использовался только в преступной среде [16, с. 28]. Н.Н. Макарова также замечает, что первоначально это (легализация – дис.) было сленговое слово, употребляемое гангстерами [10, с. 29]. Следовательно, слово «отмывание» присуще речи определенной социальной группы и полностью соответствует определению «жаргона» [12, с. 324].

В официальном лексиконе выражение «отмыть деньги» можно считать относительно свежим неологизмом [3, с. 36]. По поводу самого существования в уголовном законодательстве термина «отмывание», который употребляется как равнозначный понятию «легализация», в специальной литературе высказывается достаточно много критических замечаний. Справедливости ради следует отметить, что количество сторонников использования термина «отмывание», пожалуй, будет равновелико их противникам. Так, Коллегия по уголовным делам Рязанского областного суда по этому поводу отмечает: «Слово «отмывание» (полубытового, полублатного содержания), часто употребляемое различными СМИ, не совсем точно отражает характер преступных действий» [11, с. 18]. Н. Ивакина придерживается аналогичной точки зрения, полагая, что «неологизм «отмывание денег» неуместен в официально-деловом стиле, лучше употребить слово «легализация» [6, с. 6].

И.Г. Тер-Аванесов, развивая мысль Н. Ивакиной, пишет: «Российское же уголовное право... нуждается в таких средствах языка, кото-

рые в точном соответствии с научной терминологией обозначают правовые понятия, тем самым точно передавая мысль законодателя, основной целью которого является точная и грамотная формулировка мысли в соответствии с нормами литературного языка, так как от правовой культуры (а одной из ее частей является культура речи) в определенной мере зависит формирование правосознания граждан. Для того чтобы эффективно выполнять функцию волеизъявления, законы должны быть безупречными как по содержанию, так и по форме, а язык закона предельно точен. В противном случае «язык жаргона» может стать языком читателя, а что еще страшнее – законодателя и правоприменителя, что приведет к криминализации языкового самосознания. Исходя из вышесказанного, считаем необходимым исключить из названий статей 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также из Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» слово «отмывание», как относящееся к жаргону, так как уверены, что статус права слишком высок и ответствен и его язык является показателем уровня культуры законодателя, государства в целом, поэтому, формируя нормы права, законодатель просто обязан соблюдать нормы родного языка» [16, с. 30].

Об этом же говорит и Д.В. Чухвичев: «Настоящей трагедией является использование в уголовном законодательстве терминов, заимствованных из уголовного жаргона, например, «отмывание денежных средств» (вместо гораздо более ясного и вообще по культурным соображениям приемлемого «легализация незаконно полученных денежных средств» [17, с. 26].

А.С. Босхолов считает, что у этих терминов нет общих оснований – ни грамматических, ни логических, ни правовых, они из разного понятийного ряда. «Отмывание преступных доходов» не является юридическим определением, это сленговое выражение, которое неприменимо ни в науке, ни в социальном процессе криминализации деяний. В своих размышлениях А.С. Босхолов, по всей видимости, следует одному из правил законодательной техники, применяемых при подготовке и оформлении законопроектов, в котором рекомендуется «...избегать редко употребляемых слов, архаизмов, неологизмов, варваризмов, просторечий и вульгаризмов, жаргонных слов...» [4, с. 61].

Анализируя приведенные выше положения, можно сделать вывод, что, с одной стороны, налицо пренебрежение законодателем принци-

пами законодательной техники, напротив, с другой стороны, имеются иные мнения, обладающие не менее весомой степенью аргументации. Так, в своем диссертационном исследовании В.В. Лавров пишет: «Термин «отмывание» денег, являющий собой наиболее яркий пример правовой аллегории, сравнительно недавно, хотя и достаточно прочно, вошел в научный оборот за рубежом, где он широко используется в настоящее время даже в текстах нормативно-правовых актов» [8, с. 16]. Вступая в дискуссию, О.Ю. Якимов отмечает, «...что термин «отмывание» гораздо более удачен для обозначения рассматриваемого преступления. Во всяком случае, он лишен двусмысленности» [18, с. 119].

Несмотря на предпочтение, отдаваемое нами термину «легализация», проведенное исследование показывает, что разнообразные точки зрения, приведенные выше, не противоречат друг другу. Поэтому предпринимаемые специалистами попытки вывести единственно правильное название термина являются, по нашему мнению, системной ошибкой и не будут иметь ни теоретического, ни прикладного значения.

Библиографический список

1. Алешин К.Н. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, как преступление международного характера. [Текст] Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004.
2. Бодров В.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с легализацией преступных доходов. [Текст] Дис. ... канд. юрид. наук. – М.: ВНИИ МВД России, 2008.
3. Букарев В.Б., Трунцевский Ю.В., Шулепов Н.А. Зарубежный опыт в сфере правового регулирования противодействия легализации (отмыванию) доходов, приобретенных преступным путем [Текст] // Международное публичное и частное право. 2007. № 4.
4. Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии: Научно-практическое пособие [Текст] / Отв. ред. Р.Ф. Васильев. – М., 2000.
5. Зимин О.В. Организация и тактика борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. [Текст] Дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Московский институт МВД России, 2001.
6. Ивакина Н. Русский язык российского права [Текст] // Российская юстиция. 2000. № 7.

7. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. [Текст] 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2001.
8. Лавров В.В. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем [Текст]. Дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000.
9. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. 6-е изд., стереотип. [Текст] – М.: Русский язык, 2000.
10. Макарова Н.Н. Налоговые преступления, легализация (отмывание) денежных средств в России и за рубежом с использованием оффшорных финансовых центров и юрисдикции банковской тайны [Текст] // Налоговый вестник. 2000. № 7.
11. Обзор судебной практики Рязанского областного суда от 01.03.2003. Справка о преступлениях в сфере экономической деятельности [Текст] // Буква закона. 2003. № 3–4.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное [Текст]. – М.: А ТЕМП, 2004.
13. Пионтковский А.А. К методологии изучения действующего права [Текст] // Ученые записки ВИЮН. Вып. IV. 1946.
14. Примеры подобного использования слова «легализация» [Текст]: см.: Соловьев И.Н. Налоговые преступления в торговле. Комментарий к проверкам и уголовным делам // Налоговый вестник. 2001; Разгулин С.В. О налоговой амнистии // Налоговый вестник. 2003. № 1; Воловик Е. Налоговое обозрение // Финансовая газета. Региональный выпуск. 2005. № 1; Соловьев И.Н. О правовых аспектах реализации амнистии капиталов, предложенной в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ // Финансовое право. 2006. № 1.
15. Савицкий В.М. Язык процессуального закона. [Текст] – М., 1997.
16. Тер-Аванесов И.Г. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем [Текст]. Дис... канд. юрид. наук. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2005.
17. Чухвичев Д.В. Логика, стиль и язык закона [Текст] // Право и политика. 2005. № 2.

18. Якимов О.Ю. Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и уголовно-политические проблемы [Текст]. Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2004.

Шлепов А.М.,

аспирант Международного юридического института
Shlepov A.M.,
postgraduate student of the International Law Institute

Основные тенденции развития идеи монархической власти в политико-правовой идеологии России в XVI веке

The basic tendencies of development of idea of monarchic rule in the political-legal ideology of Russia in the XVI century

Аннотация. В статье раскрываются тенденции развития идеи монархической власти в политико-правовой идеологии России в XVI в. Исследуются взгляды ведущих идеологов в эпоху зарождающегося абсолютизма. Анализируются факторы, влияющие на логику авторов тех или иных политико-правовых идей.

Ключевые слова: монархическая власть, политико-правовая идеология, «нестяжатели», «иосифляне», функции власти монарха, самодержавие, церковь и государственная власть.

Annotation. In article tendencies of development of idea of monarchic rule in the political-legal ideology of Russia in the XVI century. Examines the views of leading ideologists in the age of nascent absolutism. Analyzes the factors affecting the logic of the authors of those or other politiko-legal ideas.

Keywords: monarchic power, political and legal ideology, «non-possessors», «the Josephites», features the power of the monarch, autocracy, Church and state power.

1. Монархическая власть в политико-правовой идеологии России стала актуальным объектом описания при Иване III (в религиозной форме) и продолжилась при Иване IV.

Исследования показывают, что начало «поиска меры» монархической власти положили «нестяжатели» и «иосифляне». Нил Сорский, его ученик Вассиан Косой и монах Афонского монастыря Максим Грек под руководством игумена Волоколамского монастыря Иосифа Волоцкого вели дискуссию по политическому вопросу: должна ли церковь поддерживать усиление царской власти. Нестяжатели же исключали клир из дел мирского управления обществом. Нестяжатели считали, что настоящие святые, а такими представлялись монархи, не должны не владеть землями и творить бесчинства. Государь должен быть добрым. Максим Грек видел правление государственное с участием «советующих лиц», на основе законов божественных и положительных, с наличием суда справедливого, действующего в соответствии с законами, без взяток¹.

Однако Иосиф Волоцкий полагал, что власть царю дана богом и поэтому не ограничена никакой другой властью. Правитель «властью подобен вышнему богу», он способен даровать жизнь и смерть, а подданные его должны покорно ему во всем подчиняться. Также не ограничивалась ничем и власть монарха московского над удельными князьями. Считалось, что московские цари – «всея русские земли государям государи».

Тем не менее, нестяжатели конструировали и другие функции монархической власти. По их мнению, царь должен защищать церковь, ее имущество. Таким образом, в идеологии нестяжателей прослеживалась тенденция соединения идеи усиления царской власти с логикой защитой интересов церкви: власть монарха не должна ограничиваться, но не посягать на церковные богатства.

2. В период правления Ивана IV наиболее отчетливо проявляется столкновение мнений о роли и функциях власти монарха в полемике между Иваном IV и князем Андреем Курбским. Платформа аргументации Ивана IV была подготовлена в челобитных царю, написанных Иваном Пересветовым. В своих челобитных Пересветов декларирует идею моральной ответственности царя за благополучие подданных и государства. Опираясь на авторитет бога и Евангелия, Пересветов видит главной функцией монарха заботу о государстве. Анализ

¹ См.: История политических и правовых учений: Учебник для вузов. 2-е изд. / Под общ. ред. академика РАН д-ра юрид. наук, профессора В.С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 2001. С. 194.

источников показывает, что некоторые «идеологи» нередко прибегали к гиперболам и, даже, прямому обману при аргументации своих позиций. Проводя параллели с Византией эпохи якобы малолетнего царя Константина (таковым он не был), Пересветов подчеркивает, что главная причина падения Византии (что может быть и в России) – это слабая власть и, как результат, предательство вельмож.

Внутренняя и внешняя политика русского государя по Пересветову должна строиться на основе ряда принципов. Опора царской власти – служилое дворянство. Личные заслуги перед царем, преданность ему и храбрость должны определять положение на государевой службе. Это аргументировалось положением: «Кто царю верно служит, хотя и меньшего колена, и он его на величество подымает и имя ему велико дает и жалования ему много прибавляет». Союз воинства и царской власти – необходимое условие возвеличивания Русского государства. Для достижения сильной власти допустимы жестокость и угрозы: «...без ... грозы правды в царство не можно ввести». Величие государства невозможно без сильной, неограниченной и жестокой царской власти. Представляется, что такими идеями декларировалась идея абсолютной власти. По-видимому, некоторые тенденции такой идеологии диктовались и внутренней борьбой за власть. В последующем эти идеи проявились в реформах Ивана IV – поместной, приказной, финансовой, военной – и были закреплены в Судебнике 1550 г. Взгляды Пересветова были направлены на укрепление и развитие самодержавной власти.

3. Анализ источников показывает, что развитие идеи монархической власти прослеживается в переписке князя Курбского и Ивана IV. Князь Курбский в письмах Ивану IV, написанных в эмиграции, пытается обвинить его в «правлении не по старине», в жестокости, несправедливости и «потаканию» иосифлянам. Курбский отвергает самодержавие царя, считая, что правление с Избранной радой есть идеал консенсуса власти и народа. В своей аргументации Курбский пытается даже апеллировать к Цицерону, утверждавшему, что нет государства без законов. Бунт Курбского, основанный на укреплении самодержавия, стремлении ограничить царскую власть представительным органом, вызвал резкую реакцию Ивана Грозного. По его мнению, царская власть дарована богом, а следовательно, сопротивляться «божьему повелению» это большой грех. При этом опора делается уже на существующий, якобы, исторический опыт: «Самодержавства божьим из-

волением почтен от высокого князя Володимира», а самого Курбского – изменника отечеству и царю следует, как собаку казнить. Иван IV утвердился в идее сильной, ничем не ограниченной самодержавной власти, без вмешательства бояр и отказывая церкви в участии в государственных делах: «Ино святительская власть, ино царское правление».

Таким образом, исторические условия становления российской державы генерировали и утверждали на практике идеологию возвышения государственной власти над народом. Здесь прослеживается ряд тенденций: это и стремление защитить «державность» от следующего раскола, здесь и попытка сформировать новую идеологию национального единения, здесь и желание победить в камерном противостоянии с церковью, которая стремилась по западному образцу установить дуализм духовной и светской властей. Тем не менее, в XVI в. еще сохранились и противники самодержавной власти.

В целом, в господствовавших теориях прослеживается полумистический взгляд на самодержавную власть как на власть незыблемую, сверхъестественную, власть неограниченную никем и ничем, кроме Господа Бога.

Библиографический список

1. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. – 2-е изд. / Под общ. ред. академика РАН д-ра юрид. наук, профессора В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2001.
2. История политических и правовых учений: Хрестоматия / Сост.: Кумскова С.Н. – Кемерово, 1998.
3. Малахов В.П. История политических и правовых учений: Хрестоматия. – М.: Юнити-Дана, 2010.

Арустамов Д.А.,

аспирант Международного юридического института
Arustamov D.A.,
postgraduate student of the International Law Institute

Исторический анализ российского уголовного законодательства об ответственности за легализацию доходов, приобретённых преступным путем

Historical analysis of the russian criminal legislation on responsibility for legalization of revenues acquired by criminal means

Аннотация. В статье осуществлен исторический анализ российского уголовного законодательства в сфере регламентации ответственности за легализацию (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем.

Ключевые слова: уголовное законодательство, история права, уголовная ответственность, легализация (отмывание) преступных доходов, преступления в сфере экономической деятельности.

Annotation. The article presents a historical analysis of the Russian criminal legislation on regulation of responsibility for the legalization (laundering) of proceeds from crime.

Keywords: criminal law, History of law, criminal liability, the legalization (laundering) of proceeds of crime, crime in the economic sphere.

Истоки современного института уголовной ответственности за преступления, связанные с криминальными доходами в России, уходят в глубины веков отечественной истории, и если иметь в виду систематизированное законодательство, то следует, прежде всего, назвать Судебник 1497 г., где, согласно ст. 46, дело решалось на основе показаний свидетелей, в присутствии которых совершена покупка, и лишь при отсутствии их допускалась присяга [1, с. 87]. Эти нормы получили

свое дальнейшее развитие и в Судебнике 1550 г., ст. 93 которого распространяла требование доказывания лицом факта добросовестного приобретения нового имущества на покупку на торгу старых вещей («что поношено у носящего или с лавки»). Учитывая возможность владения и распоряжения похищенными вещами или приобретенными иным незаконным путем, данный Судебник 1550 г. устанавливал в качестве условия правомерности сделки наличие поручительства за продавца. Таким поручительством выступала рядовая порука со стороны постоянных торговцев рыночного ряда, лавок. При отсутствии поруки купивший терял право на иск [2, с. 71].

Ряд норм по исследуемому вопросу содержало Соборное уложение 1649 г., где, в частности, наказывалась покупка и использование вещей, совершенные без поруки (ст. 65). Артикулы 1715 г. эпохи Петра Великого закрепили уголовную ответственность за нарушение правил захвата и дележа военной добычи. Так, артикул 111 определил условия признания военной добычей имущества, захваченного у противника. Интересно при этом, что артикул относит к военной добыче и захваченное у противника имущество, ранее принадлежавшее русским, но при условии, если противник это имущество держал в своем ведении не менее 24 часов. При этом условии прежний владелец захваченного имущества был не вправе требовать его возврата, так как оно признавалось военной добычей. А артикулы 112, 193 и 194 установили порядок распределения военной добычи и уголовную ответственность за несвоевременную сдачу либо утаивание и растрату захваченного имущества.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных издания 1845 г. регулирует данные отношения уже близко к современному пониманию. Так, в Уложении (в редакции 1885 г.) в ст. 1701 и 1702 была установлена ответственность за продажу (сбыт) заведомо украденного или через насилие или обмен полученного имущества, совершенного другим лицом, а также за покупку (скупку) недвижимого имущества у лица, незаконно владеющего им, или иного имущества, заведомо полученного через насилие [3, с. 898–899]. Близкий по родовому признаку к легализации доходов состав преступления предусмотрен ст. 1705 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

В данной норме речь идет об уголовной ответственности за действия, связанные с залогом недвижимого имущества (вымышленного или своего собственного), но состоящего под запретом, секвестром, опекой, за сокрытие факта такого запрета, секвестра, опеки или с залогом

заведомо краденой вещи с применением насилия или обмана. В дальнейшем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных законодатель наиболее адекватно среагировал на социально-экономические условия, сложившиеся в тот период в России. Эпоха Александра II (1818–1881), ознаменовавшаяся окончанием Крымской войны (1856), введением Закона от 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян сменилась правлением Александра III, усилившим политическую и уголовную репрессию. В то же время начавшийся в условиях мирного времени экономический рост требовал более эффективной защиты имущественных прав, в том числе уголовно-правовыми мерами.

Содержание норм Уложения о наказаниях уголовных и исправительных свидетельствует о значении, которое государство придавало правовому регулированию отношений в сферах, в наибольшей степени подверженных неправомерному завладению и использованию имущества, и в первую очередь, гражданско-правовых (купля-продажа, залог, поручение и др.). Усиление уголовной ответственности за данные поступки – свидетельство их социальной опасности.

Уголовное законодательство России послереволюционного, советского периода по рассматриваемому вопросу в определенном смысле сохраняло преемственность норм русского уголовного права. Единственной в этом роде была, в частности, ст. 164а Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., где предусмотрена ответственность за покупку, хранение и продажу заведомо похищенного огнестрельного оружия (кроме оружия охотничьего образца мелкокалиберного) и огневых припасов к нему. Плановая экономика и наличие практически лишь одной формы собственности – государственной – упрощали подход к защите уголовно-правовыми нормами имущественных отношений, в связи с чем Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. содержал статью в интересующей нас сфере – ст. 208, которая называлась «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем». Предметом этого преступления признавалось имущество, т.е. материальные ценности, добытые в результате совершения преступления. В большинстве случаев это было имущество, являющееся социалистической (государственной, колхозно-кооперативной или личной) собственностью, полученное путем различных форм хищения.

Предметом преступления могли быть материальные ценности, полученные путем совершения иных преступлений (контрабанды, обмана покупателей, незаконной охоты, незаконной порубки леса и т.д.). Это делало малоэффективным данный состав преступления, затрудняло

применение этой нормы на практике, так как по смыслу ст. 208 требовалось установить сначала признаки предшествовавшего преступления, с помощью которого было получено имущество. До вступления в силу нового УК РФ (1 января 1997 г.) уголовная ответственность за легализацию незаконных доходов могла наступать лишь за отдельные ее виды: укрывательство таких преступлений, как кража, грабеж, разбой, мошенничество и получение взятки на основании ст. 189 УК РСФСР 1960 г.; приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, на основании ст. 208 УК РСФСР 1960 г. И лишь в постсоветский период в связи с развитием в России рыночных отношений законодатель счел необходимым упорядочить уголовно-правовые отношения в связи с криминальными доходами, установив соответствующую уголовную ответственность в ст. 174 УК РФ 1997 г.

Библиографический список

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. – Киев, 2009.
2. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1998.
3. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Изд. 11-е. СПб., 1999.

Сайфутдинов А.А.,

аспирант Международного юридического института

Saifutdinov A.A.,

postgraduate student of the International Law Institute

Пенитенциарная система: принципы формирования и развития The prison system: formation and development

Аннотация. В статье раскрывается сущность и цели уголовного наказания, а также принципы формирования и развития пенитенциарной системы.

Ключевые слова: преступность, наказание, уголовное наказание, справедливость, принципы уголовной ответственности, принципы назначения наказания, пенитенциарная система.

Annotation. The article reveals the essence and purpose of criminal punishment, as well as the principles of formation and development of the prison system.

Keywords: crime, punishment, criminal punishment, justice, principles of criminal responsibility, principles of sentencing, the prison system.

Если сегодня взглянуть на мир вокруг, то с легкостью можно увидеть те негативные социальные явления, которые в той или иной мере своим присутствием влияют на развитие государства и на социум в целом. Одним из таких негативных социальных явлений является преступность.

Начиная еще с древнейших времен и по сей день, данное явление не утрачивает своей общественной значимости, поэтому государство стремится как можно активнее воздействовать на него с целью его окончательной ликвидации, при этом создавая новое и всячески изменяя старое законодательство.

Для борьбы с преступностью государство принимало и принимает самые различные меры, а также все необходимые и наиболее эффективные средства. Важнейшим из них является наказание. Наказание – есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Для того, чтобы данное средство было максимально эффективным, оно должно преследовать самые важные цели.

С принятием УК РФ в 1996 г., были изменены цели уголовного наказания. В действующем УК РФ в ч. 2 ст. 43 содержатся следующие цели уголовного наказания:

- 1) восстановление социальной справедливости;
- 2) исправление осужденного;
- 3) предупреждение совершения новых преступлений.

На мой взгляд, наиболее важной из вышеуказанных целей является – восстановление социальной справедливости. Стоит заметить, что она впервые на законодательном уровне появилась только с принятием УК РФ в 1996 г.

Цель уголовного наказания была установлена еще в древние времена¹ – это тот социальный результат, к которому стремится стремится государство, назначая наказание лицам, совершившим преступле-

¹ См.: Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве: Монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 489–493.

ние, а также посредством воздействия уголовного наказания предотвращение совершения новых преступлений и исправление осужденного для дальнейшего пресечения нанесения им вреда государству и обществу в целом.

Восстановление социальной справедливости – есть правовое явление, в результате которого происходит реализация восстановления нарушенных преступником устоявшихся в обществе ценностей, посредством назначения ему наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, что в опосредованности должно привести к возмещению вреда и формированию у виновного уважительного отношения к основополагающим нравственным ценностям.

Применение наказания включает два этапа: его назначение и исполнение. Следовательно, и цели наказания должны приниматься во внимание как при назначении, так и при исполнении наказания.

Особенно принципиальное значение приобретает учет целей наказания на этапе его назначения. Как подчеркивается в литературе, назначаемое судом наказание, с одной стороны, имеет своим основанием ретроспективное поведение, то есть преступное деяние, совершенное в прошлом, а с другой – оно обращено в будущее. И ориентирами этого будущего является регламентированная в УК РФ цель наказания – восстановление социальной справедливости.

Назначая виновному в совершении преступления наказание, то есть определяя его вид, срок и размер, суд фактически определил меру социальной справедливости.

Для более эффективной и качественной реализации цели «восстановление социальной справедливости» при назначении наказания, нужен определённый выработанный механизм:

1) принципы уголовной ответственности; 2) принципы назначения наказания (то есть те же принципы, проявляющиеся в сфере назначения наказания, и ряд других наиболее важных положений); 3) общие начала назначения наказания; 4) специальные правила назначения наказания (ст. 62, 64–70 УК РФ); 5) особые условия назначения отдельных видов наказания, или критерии справедливого наказания.

Одним из важных аспектов при назначении наказания, является соблюдение и учет определённых значимых принципов. УК РФ специально не регламентирует принципы назначения наказания, но следуя из текста закона не трудно догадаться, что принципы уголовной от-

ветственности, предусмотренные в ст. 3–7 своим основным содержанием имеют как раз назначение наказания.

Все принципы уголовной ответственности определяют не только основания и пределы назначения наказания, но и предполагают соответствующие цели наказания и средства их достижения. Цели наказания не могут рассматриваться вне содержания указанных принципов. Безусловно, перечень принципов назначения уголовного наказания имеет неопределенную природу в сфере юридической науки, в связи с чем он носит незамкнутый характер, а также постоянно может изменяться.

Наиболее важным из вышеперечисленных, является принцип законности, который закреплен в ст. 3 УК РФ. Прежде всего, принцип законности в уголовном праве означает, что все положения, лежащие в основе привлечения лица к уголовной ответственности за содеянное, назначения наказания, освобождения от него или наступления других уголовно-правовых последствий совершения преступления, должны быть сформулированы исключительно в законе как в высшем акте законодательной власти, то есть единственный источник уголовного права – уголовный закон.

Далее, стоит отметить, что такие принципы как равенство граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), вины (ст. 5 УК РФ) и справедливости (ст. 6 УК РФ) создают реальную основу для восстановления социальной справедливости. Вряд ли, например, можно предполагать, что цели наказания могут быть достигнуты в отношении лица, привлеченного к уголовной ответственности за невиновное поведение. То же самое можно сказать и в отношении принципа равенства граждан перед законом. Назначение наказания, сопряженное с его нарушением, способно вызывать лишь обратный эффект, а отнюдь не достижение целей наказания. А содержание принципа справедливости заключается, в назначении лицу, совершившему преступление, справедливого наказания, то есть соответствующее характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Так же в механизме обеспечения целей наказания не менее важное значение имеет и принцип гуманизма, закрепленный в ст. 7 УК РФ. Согласно ей, данный принцип можно обозначить с двух сторон. С одной стороны, принцип гуманизма предполагает защиту человека как высшей ценности, охрану его прав, свобод, чести и достоинства, интересов

общества от преступных посягательств, национальную безопасность в целом. А другая сторона гуманизма относится к виновному, к назначению ему наказания или иных мер уголовно-правового характера, которые не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Что касается иных принципов, выделяемых в литературе, то некоторые из них самым непосредственным образом могут рассматриваться в качестве инструментов механизма достижения целей наказания. Имеются в виду, прежде всего, такие принципы, как дифференциация, индивидуализация назначения наказания, его целесообразность или целевое устремление и экономия мер уголовно-правового воздействия.

Успешное достижение цели восстановления социальной справедливости возможно лишь при системном понимании и реализации принципов или критериев при назначении наказания. Поэтому нельзя односторонне ориентироваться на один принцип и игнорировать другие. Уяснение правильного соотношения между принципами, между отдельными принципами и их системой в целом является необходимой предпосылкой назначения по каждому уголовному делу справедливого наказания и, следовательно, достижения данной цели.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

Цель уголовного наказания – это тот социальный результат, к которому стремится государство, назначая наказание лицам, совершившим преступление, а также посредством воздействия уголовного наказания предотвращение совершения новых преступлений и исправление осужденного для дальнейшего пресечения нанесения им вреда государству и обществу в целом.

Сущность справедливости можно сформулировать как иерархическое соотношение нравственных ценностей, упорядоченных посредством сочетания нравственных высших категорий таким образом, чтобы свобода, ограниченная равенством, в соответствии с объективным порядком воплощала добро.

Восстановление социальной справедливости – есть правовое явление, в результате которого происходит реализация восстановления нарушенных преступником устоявшихся в обществе ценностей, посредством назначения ему наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, что в опосредованности должно

привести к возмещению вреда и формированию у виновного уважительного отношения к основополагающим нравственным ценностям.

Основными критериями достижения цели восстановления социальной справедливости являются уважительное отношение виновного к основополагающим нравственным ценностям, возмещение вреда и реализация справедливого наказания.

Для реализации цели восстановления социальной справедливости при назначении наказания, необходимо руководствоваться основополагающими принципами уголовного права. В первую очередь принципами: законности, вины, гуманизма, справедливости, равенства граждан перед законом. Во вторую очередь дополнительными (факультативными) принципами: дифференциация, индивидуализация назначения наказания, его целесообразность или целевого устремления и экономии мер уголовно-правового воздействия.

Критерии справедливого наказания разделялись еще в XVII в.¹ на три группы: обуславливающие наличие права наказания; характеризующие наказание как меру, применяемую к преступнику; характеризующие наказание как процесс. К первой группе относятся: справедливость установленного уголовно-правового запрета; достоверность и полнота данных, на основе которых принимаются решения по делу; правильное применение уголовного законодательства; нравственно высокий уровень лиц, реализующих наказание; наличие властных отношений между наказывающим и наказываемым. Критериями второй группы, характеризующими наказание как меру, выступают: направленность на личность преступника и соразмерность наказания характеру и степени общественной опасности преступления, личности виновного и обстоятельствам, смягчающим и отягчающим. Критериями третьей группы, характеризующими наказание как процесс, являются: приоритет обеспечения правового смысла мер воздействия, включаемых в систему наказания; избрание одного масштаба оценки мер воздействия, применяемых к осужденному; согласительная процедура принятия решений; возможность изменения мер наказания.

¹ См.: Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. – М.: Юрист, 2001. С. 173–212.

Библиографический список

1. Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. – М.: Юристъ, 2001.
2. Кашарина Т.В. Происхождение государства и права: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2004.
3. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве: Монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.
4. Мальцев Г.В. Очерки истории раннего права и государства: Монография. – М.: Изд-во РАГС, 2010.
5. Рулан Н. Юридическая антропология: Учебник для вузов / Перевод с франц. – М.: Норма, 2000.

Кириленко Е.Н.,

аспирант Международного юридического института
Kirilenko E.N.,
postgraduate student of the International Law Institute

Возникновение и становление права собственности в России как правовой дефиниции

The emergence and establishment of property rights in Russia as the legal definition

Аннотация. В статье раскрывается содержание самого права собственности посредством изучения и раскрытия причин возникновения феномена «собственность». Формирование института права собственности в Российском государстве имело свои особенности. В этом процессе нашли отражение менталитет российского человека, устойчивые черты его национального характера, особенности государственного генезиса.

Ключевые слова: право собственности, собственность, российское государство, правовая дефиниция.

Annotation. The article deals with the right of ownership of the content through the study and disclosure of the causes of the «property» of the phenomenon. Formation of the Institute of ownership in the Russian state had its own peculiarities. This process reflects the mentality of Russian

people, its permanent features of the national character, especially the genesis of the state.

Keywords: ownership, property, the Russian state, the legal definition

Исторический период развития Российского государства на рубеже XX–XXI веков характеризуется серьезным реформированием политических, социальных, экономических, духовных основ общественной и государственной жизни. Институт права собственности оказывает непосредственное влияние на эти процессы. Именно он составляет материальную основу государственной власти вообще, в частности, придает ей правовую, политическую и социальную стабильность.

В этой связи особую актуальность приобретает изучение истории становления института права собственности в России как устойчивой правовой дефиниции. Следует отметить, что речь идет именно о всеобщей собственности, потому как нельзя говорить о полноценном институте права собственности, если он имеет какие-либо социальные ограничения.

На сегодняшний день сложилось устойчивое понимание права собственности как отношений присвоения – отчуждения каких-либо благ. Но такое понимание не отражает самого главного в постижении данного явления: для чего оно существует, каковы цель и смысл его бытия, зачем и почему возникают данные отношения?

К настоящему времени сложилось три основных подхода в определении происхождения собственности.

Первый подход, через сведение категории «собственность» к категории «мое» достаточно неоднороден, – связывая происхождение собственности с личностью человека, исследователи выделяют четыре ее значимых свойства, способные породить собственность: физиологические потребности, целесообразная деятельность человека, его дух и волю, а также включенность в общественные связи.

Необходимость существования человеческого тела в условиях ограниченных ресурсов определяет собственность как порождение инстинкта выживания и самосохранения, как неотъемлемый атрибут человека. Основы данного подхода закладывались еще во времена античности. Так, Аристотель утверждал: «государство и собственность естественного происхождения, их переустройство противно человеческой природе». Знаменитое Римское право тоже связывало идею неприкос-

новенного и священного права частной собственности с ее естественным происхождением от человеческого инстинкта самосохранения.

В рамках второго основного подхода, где происхождение собственности связывается с внешними для человека факторами, часть свойств человека, – его духовная составляющая и его включенность в общественные процессы начинают доминировать, отрываются от своего носителя – человека, превращаются в некую постороннюю силу. Государство, право, Бог, общественный договор рассматриваются как источники происхождения собственности. Так, С.Е. Десницкий считал, что «... начало и происхождение собственности соединено с непосредственным происхождением и правлением государства». У С.А. Франка «... идея собственности принадлежит к области права и вне ее не имеет никакой силы». П.Ж. Прудон трактовал собственность как волевое, юридическое отношение, как этическую категорию, как порождение права сильного и права хитрости.

Третий подход рассматривает собственность как самодостаточное явление, не нуждающееся в установлении причины. При этом авторы, действующие в рамках этого подхода, имеют дело с уже развитой, дееспособной формой. Естественно при этом собственность выступает основанием себя самой и причиной множества других явлений. Так, В.А. Останин считает, что «собственность – субстанция. Она включает как свой момент сущность (субъективированная сущность собственности – труд), она содержит все условия своего появления в себе».

В целом происхождение собственности объясняется в рамках первого подхода и, безусловно, определяется свойствами человеческой личности. Таким образом, происхождение собственности связано с необходимостью существования человека в единстве всех его сторон – физиологической, духовной, производственной и социальной, т.е. источником и причиной возникновения собственности выступают потребности физического выживания индивида, духовного самовывживания и его общественного самоопределения. Но такая трактовка нуждается в уточнении по двум позициям; во-первых, необходимо разделить понятия «происхождение собственности» и «источник собственности»; во-вторых, учесть, что собственность – социальная форма и генетически связана с обществом. Происхождение собственности и ее источники тесно связаны, но эти понятия разного уровня и разного содержания. Происхождение – предельный уровень абстракции при анализе категории, именно на этом уровне выявляется основной закон развития

данного явления, определяющий пределы его существования. Источники явления в этом смысле более конкретны, они сами являются следствием развертывания происхождения. Они могут сменять друг друга, существовать одновременно, исчезать. Они не исчерпывают всего потенциала явления, они – определенный этап его развития, и законы их развития – это законы развития определенного этапа.

Также необходимо упомянуть о том, что единое научное определение права собственности во второй половине XIX в. отсутствовало. Такое положение не удовлетворяло теоретиков русского гражданского права. Многие из них предприняли попытку восполнить существующий пробел. В трудах К. Анненкова, Ю. Гамбарова, К. Кавелина, Д. Мейера, Г. Шершеневича и др. содержатся различные определения права собственности: «Правом собственности называется закрепление за одним лицом или несколькими лицами всех отношений к вещи (реальному предмету или праву), которому придается юридическое значение» (К. Кавелин). «... Право собственности есть господство лица над вещью, в силу которого лицо может владеть, пользоваться, распоряжаться ею» (К. Анненков).

Более же точное и лаконичное определение права собственности, рассчитанное не только на частных собственников, трижды давал в своих решениях гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената в решениях по конкретным делам: № 25, в 1868 г.; № 1314 в 1869; № 1219 в 1871 г. Так, ст. 7786 Свода кассационных положений зафиксировала: «Право собственности есть приобретенная в установленном законами порядке власть исключительно и независимо от постороннего лица владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом». Имущество здесь понимается как вся совокупность юридических отношений субъекта права, поддающихся денежной оценке. В целом определение, данное департаментом Сената, и по сей день не расходится с общепринятой в континентальной правовой традиции точкой зрения.

Институт права собственности автор определяет как совокупность юридических норм, закрепляющих и охраняющих отношения приобретения и прекращения состояния принадлежности вещей – средств производства и результатов труда – за отдельными лицами, группой лиц, юридическими лицами или же государством, и основанные на этом правомочия собственника по владению, пользованию и распоряжению, данным имуществом.

Библиографический список

1. Кавелин К.Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам. – М., 2012.
2. Прудон П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти / Пер. Е. и И. Леонтьевых. – СПб.: Леонтьевы, 1907.
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Статус, 2005.

Замиралова Е.С.,

аспирант Международного юридического института
Zamiralova E.S.,
postgraduate student of the International Law Institute

Возникновение и развитие третейского суда в период Древнерусского государства

The emergence and development of the arbitral Tribunal in the period of the old Russian state

Аннотация. В статье автор раскрывает историю возникновения и развития третейского суда в Российском государстве, дает характеристику памятникам права по истории третейского суда, рассматривает отличительные особенности раннего третейского процесса.

Ключевые слова: третейский суд; история процесса, памятники древнерусского права.

Annotation. In the article the author reveals the history of the origin and development of the arbitration court in the Russian state, gives a description of the literature on the history of the arbitration court, considering the distinctive features of early arbitration process.

Keywords: arbitration court; process history, monuments of ancient rights.

Вопрос о возникновении третейского суда представляется достаточно исследованным в современной юридической науке. Высказыва-

ется мысль, что третейские суды как форма защиты прав известны с древнейших времен¹. В отношении отечественной государственности большинство ученых, занимавшихся данной проблемой, сходятся во мнении, что третейская форма разрешения споров в Древней Руси была преобладающей².

Не вызывает сомнения, что правовой основой возникновения третейского способа разрешения споров является обычай. На Руси форма договорного разрешения споров была распространена как суд авторитета третьего лица, а возникновение института третейского разбирательства произошло даже раньше, чем появилось государственное правосудие.

Какие же памятники древнерусского права свидетельствуют в пользу данного утверждения? А.И. Вицин установил, что древнейшим историческим памятником института третейского суда на Руси является Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича Донского с князем Серпуховским Владимиром Андреевичем Храбрым от 1362 г., из текста которой следует, что главным назначением третейского суда было не следование букве закона, а прекращение самой вражды и распри: «А чего ми будет искати на твоих Боярех, ли чего искати тебе на моих Боярех, нам отослати от себе по Боярину, те тому учинять исправу, а ци о какове деле межи себе сопрутся, ехати им на третий, кого себе изберут, тамо ехав перемолвятся»³. А.И. Вицин также пришел к выводу, что третейский суд – не порождение законодательства, что он существовал и в отсутствие законодательной базы, а закон урегулировал уже существовавший обычай⁴.

Иногда упоминаются и более ранние памятники права. В частности, об особых судах для торгового сословия впервые упоминается в Уставной грамоте Новгородской церкви Святого Иоанна Предтечи на Опоках 1135 г., данной Новгородским князем Всеволодом Мстиславовичем. В XII веке в Великом Новгороде наряду с княжеским судом имел место суд торговый, который делился на два отделения. Первое для рассмот-

¹ Морозов М.Э. Третейское разбирательство: Учебно-методический комплекс / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2008 // <http://pandia.ru/text/>

² Жижин А.М. Договорная подсудность в Древней Руси. 2009/ <http://dr-zhizhin.narod.ru>.

³ Вицин А.И. Третейский суд по русскому праву // Третейский суд, 1999. № 2/3. С. 81.

⁴ Там же. С. 79.

рения споров между русскими купцами и второе – «смесный» суд для разрешения споров между новгородскими купцами и немецкими «ольдерманами». Торговый суд учреждался в составе тысяцкого и пяти выборных старост¹. Тем не менее, упоминание о третьих лицах в качестве судей встречается ранее всего в Договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича Донского с князем Серпуховским Владимиром Андреевичем Храбрым от 1362 г., поэтому более аргументированным является точка зрения А.И. Вицина.

К памятникам по истории возникновения и развития третейского суда в период древнерусской государственности можем также отнести другие многочисленные грамоты, поскольку первый период развития российского законодательства, регламентирующего деятельность третейских судов (до 1649 г.), характеризовался принятием в каждом отдельном случае специального документа (договорной, рядной, розъезжей или третейской грамоты)².

Третейскому суду предшествовали переговоры бояр: если они не приходили к единогласию, то избирался третий судья, который должен был быть «не из чужих, а из нашей Отчизны». Количество третейских судей не было установлено, а требование к кандидатурам состояло в том, чтобы они были «добрыми людьми». Решение третейских судей представляло собой мнение, которое тотчас же объявлялось сторонам. Жалоба на третейских судей допускалась только в случаях, когда между ними возникали разногласия, и не могло состояться решение³.

Что касается отличительных особенностей третейского суда в Древней Руси, по сравнению, например, с Западной Европой, то ее отличие состоит в том, что органы власти в Европе, в том числе и судебные, избирались из числа граждан, например, в Афинах или шефенов в Германии, в то время как на Руси эту функцию выполняли призванные князья с дружиной.

Другой отличительной чертой древнерусского третейского суда было то, что власть князя, одним из элементов которой была договорная подсудность наряду с публичной судебной властью, благодаря

¹ <http://sud.dlr-rus.ru/history>

² Зайцев А.И. История развития третейских судов и третейского судопроизводства в России до 1917 г. /<http://www.center-bereg.ru/777.html>

³ Морозов М.Э. Третейское разбирательство: Учебно-методический комплекс. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2008 // <http://pandia.ru/text>

договорному характеру с местными общинами или волостями и его независимым по отношению к ним положением, способствовала объединению русских земель. Политическое устройство Древней Руси (ее административная и экономическая раздробленность, частые междоусобные войны и т.п.) явилось одной из предпосылок развития третейских судов и третейского судопроизводства. К ним для урегулирования правовых споров обращались не только простые граждане, но и сами князья для мирного разрешения конфликтов по справедливости между ними самими, а также между ними и жителями их княжеств. Институт третейского судопроизводства стал пользоваться официальной государственной охраной и поддержкой уже со времен царя Ивана IV (т.е. с середины XVI в.)¹.

Таким образом, третейское судопроизводство возникло на Руси, вероятнее всего, еще в догосударственный период, было первой и наиболее широко распространенной формой суда. Третейскими судьями избирались «добрые люди», либо авторитетные в своем деле лица, если речь шла о тяжбах, например, между купцами. Сведения о третейском производстве содержит достаточно широкий круг источников, но нормативное регулирование третейские суды получили только с середины XVII в.

Библиографический список

1. Сулакшин С.С., Буянова Е.Э., Кулаков В.В. и др. Альтернативные способы разрешения споров между субъектами предпринимательской деятельности. – М.: Научный эксперт, 2013.
2. Балашов А.Н., Зайцев А.И., Зайцева Ю.А. Третейское судопроизводство в Российской Федерации: учебное пособие. – М.: Юстицинформ, 2008.
3. Вичин А.И. Третейский суд по русскому праву // Третейский суд. 1999. № 2/3.
4. Жижин А.М. Договорная подсудность в Древней Руси. / Актуальные проблемы права: Сборник научных трудов. – М.: МГИУ, 2008.
5. Зайцев А.И. История развития третейских судов и третейского судопроизводства в России до 1917 г. / <http://www.center-bereg.ru>

¹ Балашов А.Н., Зайцев А.И., Зайцева Ю.А. Третейское судопроизводство в Российской Федерации: Учебное пособие. – М.: Юстицинформ, 2008.

6. Морозов М.Э. Третейское разбирательство: Учебно-методический комплекс. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2008.

Дюков А.С.,

аспирант Международного юридического института,
помощник судьи Арбитражного суда г. Москвы, советник
юстиции Российской Федерации 3 класса
Djukov A.C.

graduate student of the International Law Institute, assistant
judge of the Arbitration Court of Moscow, Counselor of Justice
of the Russian Federation, 3rd class

Юридическая квалификация владения в господствующей теории

The legal qualification of ownership to prevailing theory

Аннотация. В статье рассматривается юридическая природа владения, а также его сосуществование с правом собственности.

Ключевые слова: вещное право, право собственности, собственность, право владение, владение, держание.

Annotation. The article examines the legal nature of ownership, as well as its co-existence with the right to property.

Keywords: property law, property law, property, the right of ownership, possession, holding.

Пребывание владения в реальности (мире вещей), на границе права, то есть в переводе на язык юридических понятий, в качестве факта, а не права, проявляется самым наглядным образом в формах защиты владения¹.

А что на этот счет думает господствующая теория? По какому же пути следовало законодательство? Какую из изложенных позиций оп-

¹ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. — М.: Статут, 2010. С. 616.

ределила в качестве правового регулятора государственная власть реализуя свои дискреционные полномочия?

Проведем исследование на примере Германского права, придерживающегося морали истинного просвещения.

Тенденция составителей германского гражданского уложения обнаруживается в мысли о том, что защита владения имеет своим назначением обеспечивать общественной охраной внешнего господства лица над вещью. Они положили в основу своих прав не теорию «воли» и не теорию Иеринга, они решили смотреть на владение не с субъективной точки зрения владельца или собственника, а с точки зрения объективных интересов гражданской жизни, и гражданского оборота¹.

«Предписания проекта, – заявляет официальная записка (Denkschrift zum Entwurfe), – исходит из той мысли, что защита владения имеет своим назначением обеспечить общественный мир охраной внешнего господства лица над вещью»².

Ограничив понятие владения только владением вещью, уложение затем в этой сфере определяет его чрезвычайно широко, в связи с чем принципиально отождествлен *possessio* с *detentio*. Предоставляя по-сessorную защиту, говорит Denkschrift, без различия, покоится ли владение на каком либо вещном или обязательственном праве, располагает ли владелец вещью, как ему принадлежащую или нет, – проект следует в этом новейшим течениям в праве. О последнем еще упоминалось в проекте I, но проект II уложения его сознательно выбросил. Игнорируя совершенно *animus possidendi*, уложение чрезвычайно расширяет сферу владения, расширяет даже на такие случаи, где вещь без воли и ведома владельца попала в область его господства³.

Таким образом, рассуждает Покровский, существо владения полагается единственно только в фактической власти лица над вещью, во внешнем господстве над нею, или, выражаясь привычными терминами, для наличности владения оказывается необходимым только *corpus possessionis*; реквизиит же *animus possessionis* совершенно оставлен.

¹ Покровский И.А. Основные вопросы владения в новом германском уложении / Вестник права. 1899. № 1. С. 93.

² Покровский И.А. Владение в русском проекте гражданского уложения / Журнал Министерства юстиции. 1902. № 10.

³ Покровский И.А. Основные вопросы владения в новом германском уложении / Вестник права. 1899. № 1. С. 97.

Что однако не совсем верно, с точки зрения которую имеем мы.

Признание Иеринга, что без воли будет лишь простое пространственное отношение, и различие юридического владения состоит не в характере воли, а в том, как на это смотрит законодатель, и нашло свое отражение в германском праве.

Из указанного умозрения и было выведено то, что характер воли — есть явление априорное, как знаменатель любого из осуществляемых юридических владений, будь оно посредственным или непосредственным, производным или первоначальным, лишь бы такое владение, как владением юридическим признавалось Законом.

Так и уложение саксонское, говорил Анненков, предоставляет этот иск о защите владения уже всякому, кто был лишен отнятием владения силой или иными противозаконными способами, в том числе и простым детенторам вещи¹.

Законодатель, подобно тому как учил Иеринг, выводит правовую формулу, отождествляющую владение не просто как *corpus*, но и *animus possessionis* в одном флаконе, ввиду чего в параграфе 854 уложения и была изложена диспозиция: «Der Besitz einer Sache wird durch die Erlangung der thatsächlichen Gewalt über die Sache erworben» (Владение вещью приобретается установлением фактической власти над нею) и сообразно с ней параграф 856 гласил: «Der Besitz wird dadurch Beendigt, dass der Besitzer die thatsächliche Gewalt über die Sache aufgibt oder in anderer Weise verliert» (Владение прекращается, если владелец фактическую власть над вещью оставляет или теряет каким-либо иным образом.)

Изложенное законодательное регулирование последовательно отражает идею охраны общественного мира (*Rechtsfrieden*) обусловленная, необходимостью охранять всякое фактическое отношение лиц к вещам от произвола и насилия, чем в свою очередь, как опять-таки того требовал Иеринг, обусловленную нивелирование позитивным правом различий, ранее проводимых между владением защищаемым и незащищаемым, между *possessio* и *detentio*².

¹ Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. 2. С. 577.

² Покровский И.А. Основные вопросы владения в новом германском уложении / Вестник права, 1899. № 1. С. 99.

Библиографический список

1. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. – СПб., 1910.
2. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд. перераб. – М.: Статут, 2010.
3. Покровский И.А. Основные вопросы владения в новом германском уложении / Вестник права, 1899. № 1.
4. Покровский. И.А. Владение в русском проекте гражданского уложения / Журнал Министерства юстиции, 1902. № 10.

Узембаева Г.И.,

аспирант Международного юридического института
Uzemberaeva G.I.,
graduate student of the International Law Institute

Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием сети «Интернет»: особенности предупреждения

Crimes of an extremist nature committed through the use of the Internet: features warning

Аннотация. Статья посвящена криминологическому анализу преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Автор обращает особое внимание на проблемные вопросы предупреждения данных преступлений, обусловленные трудностями в правильном определении соотношения их признаков.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, информационно-телекоммуникационные сети, «Интернет», предупреждение преступлений.

Annotation. The article is devoted to the criminological analysis of extremist crimes committed with use is information-telecommunication networks, including network «Internet». The author pays special attention to issues of prevention of these crimes, due to the difficulty in determining the correct ratio of their signs.

Keywords: crimes of an extremist orientation, information and telecommunications network «Internet», the prevention of crimes.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года предполагает, что «... на обеспечение национальных интересов негативное влияние будет оказывать дальнейшее развитие националистических настроений, ксенофобии, сепаратизма, национального экстремизма, в том числе под лозунгами религиозного радикализма». В этом же документе приводятся и стратегические цели обеспечения национальной безопасности, в том числе защита основ конституционного строя Российской Федерации и сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе за счет постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма и других преступных посягательств.

В связи с этим обратимся к вопросам, которые связаны с относительно новой группой уголовно наказуемых деяний в структуре преступности – преступлениями экстремистской направленности. Особым обстоятельством, определяющим актуальность вопроса об экстремистской деятельности, является глобальная перегруппировка политических сил в мире, сопровождающаяся перераспределением сфер влияния, что предопределяет нарастающее инспирирующее влияние экстремистских структур из-за рубежа на отдельные группы населения России, беженцев или эмигрантов из других стран. Некоторые общественно-политические, национальные, религиозно-политические объединения допускают использование насильственных методов борьбы для достижения своих конкретных политических целей. Они создают незаконные вооруженные формирования экстремистской направленности по инициативе указанных выше объединений, либо независимо от них. В политическую практику таких организаций в отдельных регионах входит и непосредственное применение методов насилия для запугивания и устрашения политических оппонентов, оказания определенного давления на органы государственной власти,

дестабилизации политической обстановки, срыва предпринимаемых властями усилий по урегулированию конфликтов¹.

Актуальность обозначенных проблем обусловлена как неуклонным ростом числа преступлений экстремистской направленности, так и смещением «пропаганды» преступного образа жизни и противоправного поведения в интернет. Интернет активнейшим образом используется экстремистскими организациями в качестве своеобразной трибуны для пропаганды своих идей и вербовки новых сторонников. Экстремизм на сегодняшний день редко, только в крайних случаях, носит открытый характер, он глубоко законспирирован и адаптируется к современным условиям, прежде всего через сети «Интернет».

Это дает возможность свободно размещать информацию, побуждающую к насильственному изменению конституционного строя, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности и т.п. Экстремистские группы используют интернет для финансирования своей деятельности (финансирование сайтов через рекламу, трафики захождения на сайт и т.п.) либо иного содействия в планировании, организации, подготовке и совершении экстремистских действий.

В настоящее время количество пользователей сети Интернет в мире составляет около 2,7 миллиарда людей, то есть 39% населения земли. К 2016 г. ожидается увеличение этой доли до 65–75%. На сегодняшний день более 55% населения Российской Федерации пользуется Интернетом, причем в крупных городах это число возрастает до 75% их жителей². Помимо неограниченного числа пользователей, получающих доступ к соответствующей информации, публикуемой в сети «Интернет», данная среда привлекает экстремистов. Это объясняется относительной анонимностью, дающей иллюзию полной безнаказанности, а также простотой размещения и продолжительностью хранения публикуемых сведений, постоянно находящихся в свобод-

¹ См.: Иванцов С.В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности. Монография. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2012. С. 116.

² См.: Ларина Е., Овчинский В. Кибервойны XXI века. Возможности и риски для России или о чем умолчал Эдвард Сноуден. – М.: Книжный мир, 2014. С. 7–8.

ном доступе. В этой связи остро встает вопрос о предупреждении совершения преступлений экстремистской направленности, которые совершаются с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей.

Отметим, что в ч. 2 ст. 280 УК РФ говорится об ответственности за публичные призывы к экстремистской деятельности, осуществлённые с использованием средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Это предполагает обращение экстремистов и использование ими экстремистских материалов к неограниченно широкой аудитории во всём мире и является гораздо более опасным деянием, нежели те же призывы, совершённые без таких средств.

Статьей 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», пунктом 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313, на Минюст России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов. Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу.

Федеральный список экстремистских материалов формируется на основании поступающих в Минюст России копий вступивших в законную силу решений судов о признании информационных материалов экстремистскими. При этом наименования и индивидуализирующие признаки информационных материалов включаются в федеральный список экстремистских материалов в строгом соответствии с резолютивной частью решения суда. Законодательством Российской Федерации установлена ответственность за массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения¹.

¹ <http://minjust.ru/ru/extremist-materials>

Кроме того, что Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ уголовно-правовые нормы об ответственности за призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и возбуждению ненависти либо вражды, а равно унижению человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) были дополнены указанием на такой альтернативный способ их совершения, как использование информационно-телекоммуникационных сетей. Этот же способ, наряду с использованием средств массовой информации или электронных сетей, был включен в качестве квалифицирующего признака в новую статью УК РФ об ответственности за публичные призывы к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ).

Изучение нами опубликованной судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности показало, что в правоприменительной деятельности имеются трудности, состоящие в юридической оценке соответствующих уголовно наказуемых деяний, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей. Это касается определения момента их окончания, публичности присущих им действий и разграничения их между собой, а также отграничения выделенных деяний от подстрекательской и предварительной преступной деятельности, а равно от смежных составов преступлений. Однако в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» данные проблемные вопросы не нашли своего рассмотрения.

Сегодня преступления экстремистской направленности становятся все более распространенными, причем этому способствует и активное использование при приготовлении к ним и последующем осуществлении средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей. Увеличение числа таких преступлений создает благоприятную почву для процветания насильственной и иной преступности.

При этом важно отметить, что состояние, структура и динамика преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, находятся в зависимости от усилий правоохранительных органов, направленных на их предупреждение.

Поэтому правоприменители должны быть заинтересованы в получении и использовании теоретических разработок, посвященных анализу признаков составов преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, а также проблемам их квалификации, в том числе связанных с отграничением от таких смежных составов преступлений, как, например, содействие террористической деятельности и публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма.

На этом фоне значимым представляется исследование обстоятельств совершения преступлений экстремистской направленности, осуществляемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, а также особенностей лиц, их совершающих, с целью выработки более эффективных подходов к осуществлению предупреждения, раскрытия и расследования данных преступлений, включая внесение соответствующих корректив в правоприменительную практику.

Это немаловажно, поскольку без раскрытия содержания признаков преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, их причин и условий, особенностей личности тех, кто совершает такие деяния, невозможно исчерпывающе определить предмет доказывания и разработать эффективную, рациональную методику раскрытия и расследования данных преступлений. Сказанное подчеркивает сложность проблем предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, а также установления и реализации уголовной ответственности за совершение последних.

Кроме того, несмотря на значительное количество исследований на тему противодействия экстремизму и преступлениям экстремистской направленности, лишь некоторые из них уделяют внимание особенностям их совершения с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в большей мере изучая криминологические, исторические, уголовно-правовые аспекты противодействия преступлениям экстремистской направленности в целом. Учитывая тот факт, что законодательные дополнения, касающиеся использования информационно-телекоммуникационных сетей

для совершения преступлений экстремистской направленности, были произведены относительно недавно (Федеральные законы от 28 декабря 2013 г. № 433-ФЗ и 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ), можно заключить, что комплексные научные исследования противодействия экстремизму такого рода будет способствовать конкретизации цели и задач в сфере предупреждения преступлений экстремистской направленности. Что, собственно, и соответствует Стратегии по противодействию экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.

Библиографический список

1. Иванцов С.В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности. Монография. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2012.
2. Ларина Е., Овчинский В. Кибервойны XXI века. Возможности и риски для России или о чем умолчал Эдвард Сноуден. – М.: Книжный мир, 2014.

Михайлова М.Н.,

аспирант Международного юридического института
Mikhailov M.N.,
applicant of the International law Institute
(Department of theory and history of state and law)

Влияние политико-правовой модернизации российского общества на состояние законности

The impact of political and legal modernization of the Russian society of the state of law

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы влияния процессов модернизации системы государственного управления в современной России на состояние законности, выявлены современные тенденции в динамике этого государственно-правового явления, а также каналы и основные направления этого влияния, предложены новые методологические подходы к изучению законности и проблем ее укрепления,

определены направления и приоритеты государственной политики в сфере обеспечения законности в современной России.

Ключевые слова: государство, законность, модернизация, общество, право, правопорядок.

Annotation. The article examines the impact of modernization processes of public administration in modern Russia on the state of law, to identify current trends in the development of state-legal phenomena, as well as the channels and the main directions of this effect, the proposed new methodological approaches to the study of law and problems of its strengthening, directions and priorities of the state policy in the sphere of ensuring the rule of law in contemporary Russia.

Keywords: state, legitimacy, modernization, society, law.

Процессы правовой модернизации, происходящие в современной России, затронули важные сферы общественной жизни: политическую систему, государственное строительство, экономические, социальные отношения и пр. Обновление законодательства, правоохранительной системы и других государственных институтов обостряют проблему обеспечения законности в процессе перехода от старого состояния упомянутых элементов правовой системы к новому. Несмотря на то, что в последнее десятилетие прослеживается рост влияния правоохранительной компоненты в государственном механизме страны, в России фиксируются высокие показатели преступности, коррупции, эксперты констатируют криминализацию целых отраслей народного хозяйства, особенно сырьевых, снижение уровня правовой защищенности граждан. Все это актуализирует задачу укрепления режима законности и повышения эффективности государственной и общественной деятельности по ее обеспечению.

Попытки (хотя и не всегда удачные) решения этой задачи отчетливо прослеживаются в мерах, предпринимаемых государством, направленных на модернизацию законодательства, правоохранительной системы, правоприменительной практики и др. Очевидно, что она может быть решена только на основе научных знаний о закономерностях функционирования законности, механизма ее обеспечения, действия различных факторов и др. В то же время имеющиеся научные разработки в этой области либо не работают на практике, т.к. были подготовлены и ориентированы на другие социально-экономические, поли-

тические и правовые реалии, либо не принимаются во внимание при реализации правовой политики государства в этой сфере.

Одной из причин обострения проблемы обеспечения законности является непонимание закономерностей, каналов и направлений влияния процессов модернизации на соответствующий режим. Выявление и познание этих закономерностей является актуальной задачей правовой науки, решение которой имеет большое практическое значение.

Современные тенденции развития государства и правовых систем обуславливают необходимость изменения содержания методологических подходов в исследовании законности и решении практических задач ее укрепления. Наибольшую теоретическую и прикладную значимость в условиях политико-правовых трансформаций общества приобретают интегративный и «средовой» подходы. Последний объединяет основные положения системного, факторного и конструктивного подходов, применяемых правоведами в исследованиях проблем обеспечения законности и правопорядка. В его основу положено понятие «правовая среда» [3, с. 4–5], отражающее явление, формирующее и аккумулирующее многообразные факторы, оказывающие прямое и косвенное воздействие на законность, ее состояние, обуславливая приоритеты выбора вариантов правового поведения субъектов.

Особенности российской правовой модернизации заключаются в ее политико-правовой природе, востребованности, основанности на рационально-телеологической парадигме, идеях правового государства и рецепции зарубежного права, а также социально-экономических и социально-психологических условиях осуществления [1, с. 21; 2, с. 46; 4, 5].

Основными каналами влияния процессов правовой модернизации на состояние законности являются: правовая политика, правовая идеология, правоохранительная система и правовое сознание (общественное, групповое и индивидуальное). Они тесно взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, выступая одновременно объектами модернизации. Знание этой закономерности может и должно быть положено в основу разработки государственной стратегии и решения тактических задач по укреплению законности в современной России.

Правовая модернизация затрагивает самые разные стороны и сферы общественной жизни, оказывает непосредственное как позитивное, так и негативное воздействие на состояние законности и государственную деятельность по ее обеспечению. В процессе указанных преобразований содержание законности, как явления, остается неизмен-

ным. Меняются его объем, отдельные стороны законности, а также приоритеты государственной деятельности в части ее обеспечения. Вследствие этих трансформаций происходит изменение роли законности в обществе. Меняется и степень влияния различных факторов на состояние законности.

Основными направлениями и объектами такого воздействия являются: нормативная и субъектная стороны законности; нормативный, организационно-институциональный и функциональный компоненты механизма обеспечения законности; социально-психологические условия функционирования режима законности в стране.

Практическое решение задачи преодоления деструктивных явлений, сопровождающих процесс обновления нормативной стороны законности, возможно посредством системной законодательной регламентации правотворческого процесса, упорядочения видов и форм издаваемых нормативных правовых актов, установления их четкого соотношения между собой, толкования и систематизации законодательства, унификации правил законодательной техники. Одним из возможных и, как представляется, наиболее оптимальных способов решения этой задачи является урегулирование перечисленных вопросов федеральным законом «О нормативных правовых актах Российской Федерации».

В процессе модернизации происходит изменение субъектной стороны законности. Анализ происходящих модернизационных процессов выявил тенденцию к расширению ниши для деятельности общественных элементов механизма обеспечения законности, призванных органично дополнить систему органов государственной власти, в нем задействованных. Кроме этого прослеживается линия на выделение и развитие системы и структуры государственных органов контроля. Эта линия развивается и усиливается.

Существенным изменениям подвергается правоохранительная система, выступающая объектом модернизации. Характеризуя данное направление влияния модернизации, можно отметить, что проводимые трансформации этой системы не всегда оказывают положительное влияние на состояние законности.

Процессы модернизации воздействуют на нравственно-психологическую атмосферу общества, уровень правосознания и правовой культуры различных социальных групп, динамику преобладания различных типов и форм поведения граждан, значимых с правовой точки

зрения. Эти стороны общественной жизни занимают важное место в системе факторов, влияющих на состояние законности. Изучение психологических аспектов влияния модернизации на законность и ее состояние позволили сделать вывод, что на фоне тенденции нарастания правового нигилизма в обществе, девальвации закона в массовом сознании, умаления роли и значения права, неверия в правовую систему и юридические гарантии, предпочтения внесудебных способов разрешения конфликтов, отмечаемой социалистами, можно осторожно констатировать изменение социально-психологической обстановки и ее влияния на состояние законности. Наметились и позитивные тенденции к росту правосознания, правовой образованности и правовой культуры граждан. Несмотря на то, что проблемы преступности и неудовлетворенности людей состоянием законности остаются одними из самых острых для российского общества, появились основания говорить о позитивной динамике действия социально-психологических факторов и предпосылок правомерного поведения граждан в современном российском обществе. Есть основания прогнозировать дальнейшее укрепление этой тенденции и ее проявление в правовом поведении большинства граждан. Вектор последующего ее развития в отношении людей к праву и законности во многом будет зависеть от складывающейся социально-экономической и политической ситуации в стране, а также от эффективности деятельности государственных и общественных институтов по правовому просвещению, формированию морально-нравственных ценностей и уважения к закону.

В динамике состояния законности современной России прослеживаются следующие тенденции: активная криминализация большинства сфер жизни общества, сохранение высокого уровня преступности и правонарушаемости; значительное повышение уровня латентной преступности; стагнация низкого уровня реализации принципа неотвратимости юридической ответственности; незначительные изменения в структуре преступности: снижение уровня преступлений, выраженных в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, разбойных нападений и грабежей, преступлений экономической направленности и увеличение объема преступлений коррупционного, экстремистского и террористического характера.

Проведенный анализ состояния законности, тенденций динамики ее негативной части (определяемой количеством и качеством фактически совершенных и зарегистрированных правонарушений), а также

вектора и характера влияния процессов модернизации российского общества на режим законности, позволяют наметить основные направления государственной деятельности по укреплению законности в стране. Определяя эти направления и формулируя предложения для нормотворческой и правоприменительной практики, мы рискуем уйти в частности, в отдельные сферы общественной жизни, сферы действия различных отраслей права. Реализация комплекса таких предложений неизбежно приведет к диспропорции в государственной и общественной деятельности в осуществлении правовой политики, нацеленной на укрепление законности. Чтобы избежать этой ошибки необходимо выйти на более высокий уровень обобщения, на уровень общих закономерностей. В этом случае сформулированные предложения будут иметь общий вид, однако будут носить концептуальный характер, определяющий стратегию правовой политики в деле укрепления законности. Разработка таких предложений должна базироваться на знании об общих закономерностях функционирования и динамики законности как государственно-правового явления, а также о механизме ее обеспечения.

Важнейшим направлением государственной деятельности в этой сфере является формирование и развитие правовой среды, детерминирующей законность и правопорядок в обществе. Именно эта среда, формирует и аккумулирует многообразные факторы, оказывающие прямое и косвенное воздействие на законность и ее состояние, обуславливая приоритеты выбора вариантов правового поведения ее субъектов.

Усилия государства и институтов гражданского общества следует направить на обеспечение прогрессивной динамики и приведение в соответствие с требованиями времени и современными вызовами условий, в которых функционирует право, минимизирующих социальные противоречия в правовой сфере, способствующих правовой активности личности (индивидов), институтов гражданского общества, обуславливающих выбор и использование правовых форм и способов деятельности органов публичной власти, преодоление противостояния власти и общества.

Основными приоритетами развития правовой среды должны стать: создание правовых (в том числе, конституционно-правовых) условий для формирования и утверждения правовой идеологии; повышение правовой культуры граждан, социальных групп и общества в целом; модернизации правоохранительной системы; сохранение и развитие кадрового потенциала, реализующего себя в сфере обеспечения законности; модерниза-

ция юридического образования и правового воспитания населения. Каждый из заявленных приоритетов может быть развернут в государственную программу модернизации отдельных сегментов правовой среды и послужить предметом самостоятельного исследования.

Библиографический список

1. Беляков А.А. Модернизация российской судебной системы: теоретико-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
2. Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
3. Жильцов Н.А., Чердаков О.И., Черногор Н.Н., Минин А.Я., Коваль А.В. Концепция инновационного развития правовой среды. – М.: Международный юридический институт, 2013.
4. Зорькин В.Д. Освободительные реформы и правовая модернизация России. Доклад на научно-практической конференции «Великие реформы и модернизация России» (Санкт-Петербург, 3 марта 2011 г.) // Юридическая газета. 03.03.2011. // Электронная версия. Режим доступа: <http://www.yur-gazeta.ru>.
5. Княгинин В.Н. Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы // Русский архипелаг. – М., 2002.

Ларионова А.О.,

аспирант Международного юридического института
Larionova A.O.
postgraduate student of the International Law Institute

Эволюция уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием

Evolution of criminal liability for causing damage to property by deception or abuse of trust

Аннотация. В статье рассмотрено развитие уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Ключевые слова: имущество, обман, злоупотребление доверием, административная ответственность, уголовная ответственность.

Annotation. The article deals with the development of criminal liability for causing damage to property by deception or abuse of trust.

Keywords: property, fraud, breach of trust, administrative responsibility, criminal liability.

В современной истории России (с момента принятия в 1993 г. Конституции Российской Федерации до настоящего времени) уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием претерпела значительные и разнонаправленные изменения от криминализации преступления до его декриминализации.

Впервые уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения была введена Федеральным законом от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»¹, которым действовавший на тот период Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР) был дополнен ст. 148.3. «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием».

Справедливости ради необходимо отметить, что в УК РСФСР² имелась сходная норма. Статьей 94 УК РСФСР еще в 1960 г. устанавливалась ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Однако диспозицией статьи устанавливалась уголовная ответственность только за «причинение имущественного ущерба государству или общественной организации путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения». При этом, уголовно-правовыми средствами ответственность и имущество простых граждан защищены не были. Этот пробел в связи с изменением политического строя и изменениями в приоритетах уголовно-правовой защиты с государственных интересов на интересы граждан и был устранен Федеральным законом от 1 июля

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 10. Ст. 1109.

² Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

1994 г. Статья 148.3 УК РСФСР закрепляла один состав преступления без квалифицирующих признаков.

Таким образом, в 1994 г. законодателем путем криминализации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием была усилена защита имущественных прав граждан в Российской Федерации.

Дату вступления вышеназванного Федерального закона в силу (17 июля 1994 г.) можно определить как первоначальный этап развития уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Указанный этап был весьма краток, т.к. уже 1 января 1997 г. в силу вступил Уголовный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УК России), которым была не только усилена уголовная ответственность за рассматриваемое преступление (санкция ст. 148.3. УК РСФСР предусматривала лишение свободы до 1 года, а в ч. 1 ст. 165 УК России санкция составила 2 года лишения свободы), но и введены квалифицированные составы преступления.

Так, частью второй ст. 165 УК России была предусмотрена ответственность за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или неоднократно, а часть третья установила ответственность за совершение преступления: 1) организованной группой; 2) с причинением крупного ущерба; 3) лицом, ранее два или более раза судимым за хищение, вымогательство либо причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Включение в УК России ст. 165 было вызвано, по мнению В.И. Плоховой, невозможностью учесть в уголовном законе «все возможные действия, которыми можно причинить вред собственнику, с перспективой на несколько десятилетий... Поэтому нужна норма, которая бы четко называла объект и имущественный вред, а действия не перечисляла»².

Этап действия редакции ст. 165 УК России с 1 января 1997 г. по 8 декабря 2011 г. можно охарактеризовать как этап наработки судеб-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. – СПб, 2003. С. 204.

но-следственной практики применения норм УК России, и ее теоретического обоснования.

В этот период были проведены серьезные исследования, результатами которых стало выявление особенностей рассматриваемого состава преступления. Над теоретическими проблемами уголовной ответственности путем обмана или злоупотребления доверием трудились: Н.Г. Логинова¹, Д.Л. Никишин², В.А. Романцов³, И.Х. Халиков⁴, Е.Е. Черных⁵ и др.

Большинство исследователей пришли к выводу, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 165 УК России может выражаться в трех основных формах: 1) в использовании принадлежащего собственнику имущества не по назначению; 2) в уклонении от передачи собственнику обязательных платежей; 3) в обращении виновным в свою пользу или в пользу других лиц обязательных платежей, которые должны были поступить от отдельных граждан⁶. Предметом преступления в подавляющем большинстве случаев является имущество в виде денег⁷.

¹ Логинова Н.Г. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения. Дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2007.

² Никишин Д.Л. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (уголовно-правовой и криминологический аспекты). Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2001.

³ Романцов В.А. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовые вопросы. Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997.

⁴ Халиков И.Х. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при незаконном использовании электроэнергии: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005.

⁵ Черных Е.Е. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: вопросы применения и совершенствования законодательства. Дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2009.

⁶ Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. – СПб, 2003. С. 208–209.

⁷ Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. – М., 2005. С. 382.

Состояние преступности, связанной с причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, в 1997–2003 гг. представлено в таблице 1.

Таблица 1

Год	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Количество зарегистрированных преступлений	16 811	25 226	29 702	33 076	36 392	23 918	15 365
Количество лиц, привлеченных к ответственности	12 129	20 776	25 242	28 293	31 246	19 169	19 701

С 8 декабря 2011 г. наступил современный этап развития уголовной ответственности по ст. 165 УК России. Этап декриминализации и либерализации уголовного законодательства. Динамика выявления преступлений и лиц, привлеченных к уголовной ответственности за период с 2008 по 2014 гг. представлены в таблице 2.

Таблица 2

Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Количество зарегистрированных преступлений	18 562	16 064	10 784	6 764	677	496	499
Количество лиц, привлеченных к ответственности	10 246	10 182	8 206	5 800	260	219	214

Изучение статистических данных за 1997–2003 гг. и за 2008–2014 гг., а также состояния судимости показывает резкое снижение числа возбужденных уголовных дел и числа осужденных начиная с 2012 г. На это обстоятельство также указывает в своем исследовании В.Б. Воронин¹.

По мнению автора это связано с несколькими факторами.

Первое. Изменение диспозиции ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации, внесенное Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос-

¹ Воронин В.Б. Уголовно-правовые меры борьбы с причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.

сийской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, в соответствии с которым, уголовную ответственность по части первой статьи 165 УК России несут лица, причинившие своими действиями крупный ущерб потерпевшему, т.е. ущерб на сумму более 250 000 рублей. Если же потерпевшему причинен ущерб менее 250 000 рублей, к правонарушителю применяется ст. 7.27.1. Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП России), включенная в КоАП России, вместе с изменением ч. 1 ст. 165 УК России.

Согласно данным Н.А. Лопашенко, В.И. Плоховой и других авторов до 70 % всех преступлений квалифицированных по ч. 1 ст. 165 УК России составляют внесение меньшей суммы платежей за потребленную электроэнергию или газ (путем «подкручивания» счетчиков). По данным А.Г. Безверхова основная масса причинения имущественного ущерба на практике относится к фактам неправомерного пользования энергией и связью².

Так, приговором Буйского городского суда Костромской области от 17 октября 2011 г. по ч. 1 ст. 165 УК России Г. признан виновным и приговорен к 3 месяцам лишения свободы за то, что путем самовольного незаконного подключения к подаче электроэнергии использовал электроэнергию в период с ноября 2010 г. по март 2011 г., чем нанес ущерб энергокомпании на сумму 5152 руб. 50 коп.³

Таким образом, весь массив деяний, связанных с незаконным использованием электроэнергии и газа, ранее признававшихся уголовными преступлениями по ч. 1 ст. 165 УК России перешел в разряд административных правонарушений.

Второе. Изменение порядка возбуждения уголовных дел по ст. 165 УК России, если они совершены в сфере предпринимательской деятельности. Несмотря на отрицательные отзывы при обсуждении и критические замечания Федеральный закон «О внесении изменений в

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

² Безверхов А.Г. Имущественные преступления. – Самара, 2002. С. 136.

³ <https://rospravosudie.com/section-acts>

Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» принят¹.

Согласно новой редакции ч. 3 ст. 20 УПК России «уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 159–159.6, 160, 165 Уголовного кодекса Российской Федерации, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, за исключением случаев, если преступлением причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество» являются уголовными делами частного-публичного обвинения. То есть, не могут быть возбуждены без заявления потерпевшего.

Это обстоятельство также сказалось на выявлении преступлений по ст. 165 УК России и судимости, а также стало причиной прекращения ранее возбужденных «при отсутствии заявлений лиц» (т.е. правоохранительными органами при выявлении признаков состава преступления).

Автор поддерживает мнение В.В. Струковой критически заметившей: «Что касается некоторых форм неквалифицированного хищения, а также преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, на наш взгляд, отнесение их к рассматриваемой категории дел недопустимо (уголовных дел частного-публичного обвинения – прим. автора). Конструктивным признаком этих составов является корыстная цель, нали-

¹ Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

чие которой позволяет говорить о сравнительно большой общественной опасности подобного рода преступлений»¹.

К сожалению, к моменту написания статьи автор не располагает точными статистическими данными, сколько уголовных дел, возбужденных в 2010–2011 гг. было прекращено после начала действия Федерального закона № 207-ФЗ (начало действия 10.12.2012).

Третье. Не менее важно и то обстоятельство, что в 2010–2011 г. и до настоящего времени проводится реорганизация органов внутренних дел. Так, уже сейчас понятно, что сокращение личного состава МВД России (в том числе и в следственных аппаратах) негативно сказывается на выявлении преступлений, в том числе и предусмотренных ст. 165 УК России.

Несмотря на снижение количества правонарушений и преступлений, отраженных в официальной статистике, можно с уверенностью утверждать, что преступлений и административных правонарушений, связанных с причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием меньше не стало, просто они перешли в разряд латентных. На это указывают данные формы 1-АП² за 2013 и 2014 гг., где количество лиц, привлеченных к административной ответственности по ст. 7.27.1. КоАП России, составило соответственно 1091 и 1166 человек, а количество зарегистрированных преступлений за эти же годы составило 496 и 499 соответственно. Что в 5–8 раз меньше, чем количество ежегодно выявляемых преступлений в 2008–2011 годы.

Кроме того, при рассмотрении уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, авторами не обращается внимание на такой возможный признак преступления, как систематичность или продолжительность преступления. Практически все авторы указывают на окончание преступления в момент передачи (недополучения чего-либо). Вместе с тем, по мнению автора, указанное преступление или правонарушение может состоять из ряда эпизодов противоправной деятельности.

¹ Струкова В.В. Обоснованно ли расширение такой категории дел, как дела частного обвинения? / Уголовное судопроизводство. 2011. № 1.

² Утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 9 июня 2014 г. № 142.

Автор неоднократно обращал внимание на один из способов причинения имущественного ущерба. Так, на отдельных пригородных направлениях электропоездов, на отдельных станциях (платформах), до недавнего времени отсутствовали пригородные кассы. В результате пассажиры вынуждены были приобретать билеты у контролеров, называя станцию, с которой они отправлялись. При этом контролер, получив денежные средства за проезд, выписывал билет на 1–2 станции позже, чем станция отправления (т.е. стоимость билета занижалась), а разницу в цене билета присваивал. Обычно с одного пассажира взималось по 10–20 рублей. С учетом пассажиропотока можно предположить, что при таких действиях с каждого электропоезда контролер мог получать до 200 рублей. При проверке 10–15 поездов в смену до 2000–3000 рублей. В данном случае присвоение денежных средств происходит не одномоментно, а систематически или периодически. В результате наносимый ущерб может достигать десятков и сотен тысяч рублей, однако до уголовной ответственности дело не доходит.

Выявление указанного правонарушения возможно лишь при совершении ряда оперативно-розыскных мероприятий, таких как контрольная закупка или оперативный эксперимент. При этом, чтобы подтвердить ущерб в размере 250 000 рублей, необходимый для возбуждения уголовного дела по ч. 1 УК России необходимо при вышеуказанном расчете провести как минимум 120–150 оперативно-розыскных мероприятий.

В целом в настоящее время актуальность рассмотрения необходимости и адекватности уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием значительно снизилась и из области уголовного права переключалась в область права административного. Кроме того, чтобы делать обоснованные выводы о правильности декриминализации любого преступления необходимо проанализировать статистику выявления соответствующего преступления за период как минимум 5 лет. Однако, с момента внесения последних изменений в ст. 165 УК России прошло всего 3 года, период для всестороннего анализа явно недостаточный.

Библиографический список

1. Нормативные правовые акты

1.1. Конституция Российской Федерации, принята Всеобщим голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. № 237 от 25 декабря 1993 г.

1.2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

1.3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

1.4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

1.5. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3813.

1.6. Федеральный закон от 7 декабря 2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

1.7. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

1.8. Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 49. Ст. 6752.

1.9. Федеральный закон от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 10. Ст. 1109.

1.10. Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

1.11. Приказ Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 9 июня 2014 г. № 142 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности судов общей юрисдикции и судимости и форм статистической отчетности о деятельности судов общей юрисдикции и судимости» // Документ опубликован не был.

2. Постановления высших судебных органов

2.1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами зако-

нодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 2.

2.2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 2.

3. Комментарии, монографии, учебные пособия

3.1. Иванов В.Д. Уголовное право. Общая часть. – Ростов н/Д: Феникс, 2002.

3.2. Иванов В.Д. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. – Ростов н/Д: Феникс, 2002.

3.3. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении: Учебник для вузов. Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.Ф. Кузнецовой и канд. юрид. наук, доц. И.М. Тяжковой. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.

3.4. Курс уголовного права. Особенная часть / Учебник для вузов. Т. 3. Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.Н. Борзенкова и канд. юрид. наук, проф. В.С. Комиссарова. – М.: ИКД Зерцало-М, 2002.

3.5. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теорет.-приклад. исслед. – М.: ЛексЭст, 2005.

3.6. Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

3.7. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. проф. А.И. Чучаева. – М.: Контракт : Инфра-М, 2012. (Высшее образование: Бакалавриат).

3.8. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.К. Дуюнова. 3-е изд. – М.: РИОР: Инфра-М, 2012.

4. Статьи

4.1. Струкова В.В. Обоснованно ли расширение такой категории дел, как дела частного обвинения? / Уголовное судопроизводство. 2011. № 1.

4.2. Соловьев И.Н. Гуманизация законодательства, предусматривающего ответственность за совершение экономических преступле-

ний, как «мягкая» амнистия в сфере экономики / Российский следователь. 2014. № 13.

4.3. Ценова Т.Л. О некоторых аспектах коммерческого мошенничества / Российский следователь. 2012. № 4.

4.4. Александров А., Александрова И. О некоторых последствиях отнесения дел о мошенничестве к категории дел частно-публичного обвинения. Имеет ли обратную силу уголовно-процессуальный закон? / Уголовное право. 2014. № 1.

4.5. Смирнов Г.К. Об общей проблеме модернизации государственной политики в области противодействия экономической преступности / Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 2.

4.6. Александров А.С. Пишем отдельный УК для предпринимателей? / Уголовное судопроизводство. 2012. № 4.

5. Авторефераты диссертаций

5.1. Ковальчук А.В. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения по уголовному праву Российской Федерации и Республики Беларусь: сравнительно-правовой анализ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.

5.2. Воронин В.Б. Уголовно-правовые меры борьбы с причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.

5.3. Логинова Н.Г. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2007.

5.4. Никишин Д.Л. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (уголовно-правовой и криминологический аспекты). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2001.

5.5. Романцов В.А. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверием / Уголов.-правовые вопросы. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997.

6. Электронные ресурсы

6.1. <http://www.cdep.ru/> – сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации раздел судебной статистики.

Казакевич О.М.,

аспирант Международного юридического института
Kazakevich O.M.,
postgraduate student of the International Law Institute

Прогнозная составляющая мониторинга правоприменения

Predictive component of monitoring enforcement

Аннотация. В статье рассматривается функциональный аспект мониторинга правоприменения, обосновывается идея о необходимости включения юридического прогнозирования в его содержание, формулируется гипотеза о выполнении этим институтом прогностической функции, раскрывается ее содержание и значение изучения данной функции, а также механизма ее реализации для юридической практики.

Ключевые слова: право, государство, мониторинг, правоприменение, прогнозирование.

Annotation. The article discusses the functional aspect of enforcement monitoring substantiates the idea about the necessity of inclusion of a legal prediction in its content, we formulate the hypothesis about the implementation of this Institute prognostic features, reveals its content and significance of the study the function and mechanism of its implementation for legal practice.

Keywords: law, government, monitoring, pravoprimerenie, forecasting.

Мониторинг правоприменения является одним из современных средств повышения эффективности государственного управления и правового регулирования, обеспечения прав человека и должного качества принимаемых законов, а также их реализации. В научной литературе отмечается, что с доктринальной точки зрения его правильно именовать правовым мониторингом. Специалисты относят его к самым необходимым современным инструментам управления делами государства и развития гражданского общества [5, с. 5].

Вопрос о функциях правового мониторинга, который имеет практическое значение для практики его нормативного оформления, эффективного использования, а также для организации и проведения в

настоящее время не вызывает большого интереса у правоведов. В существующих научных трудах, посвященных проблематике правового мониторинга, разработке его функционального аспекта отведено крайне незначительное место. Можно назвать только несколько работ, в которых затронуты вопросы о функциях мониторинга, их системе, содержании и характеристики. Это сделано в контексте исследования других аспектов данного правового явления [6; 11, с. 111–116] или в пределах изучения отдельной функции правового мониторинга [10].

Вопрос о прогностической функции правового мониторинга в юридической науке не разработан совсем. Прогностическая функция правового мониторинга и механизм ее реализации до настоящего времени не выступали самостоятельным предметом исследования. Следствием отсутствия четкого представления о содержании данной функции и механизме ее реализации явились известные трудности применения данного аналитико-оценочного инструмента в деятельности органов государственной власти, а также несоответствие ряда результатов мониторинговой деятельности общественным ожиданиям.

Тезис о том, что прогнозирование динамики объекта правового мониторинга является необходимым элементом содержания данного вида деятельности был выдвинут относительно давно [1, с. 32; 2, с. 42–45; 7, с. 40–41 и др.], хотя достаточного обоснования не получил и не был воспринят большинством специалистов. Эта идея не получила широкого признания и в настоящее время. Вероятно, по этой причине в нормативных правовых актах Российской Федерации и ее субъектов указание на прогнозную составляющую правового мониторинга отсутствует¹. В научных публикациях отечественных правоведов, посвященных проблематике правового мониторинга, последние 5 лет все чаще встречается указание на то, что содержанием понятия правового мониторинга (соответственно, содержанием этой деятельности) охватывается прогнозирование будущего состояния его объектов [4; 9 и др.]. В тоже время указания на прогнозирование в содержательной характеристике правового мониторинга встречаются в нормативных правовых актах, регулирующих порядок организации и проведения данного вида деятельности, а также устанавливающих статус ее результатов, отдельных стран СНГ [3]. В них отражены соответствующи-

¹ Исключение составляет Закон Республики Казахстан «О нормативных правовых актах» // <http://www.adilet.gov.kz>

щие доктринальные воззрения научного сообщества этих стран на природу и содержание данной деятельности.

Любопытным представляется тот факт, что отдельные правовые идеи, выдвинутые российскими правоведами на основе изучения отечественной нормотворческой и правоприменительной практики, формулирование которых подготовлено и обусловлено предшествующими исследованиями советских ученых, правовым знанием, сформированным на протяжении длительного времени в русле отечественных правовых традиций, не находят широкой поддержки в российском научном сообществе, остаются не востребованными государственно-правовой практикой в России, но хорошо воспринимаются и активно используются учеными других стран и находят воплощение в деятельности государственных органов, например, стран-участников СНГ. Одним из примеров является идея включения юридического прогнозирования в содержание мониторинговой деятельности в Республике Казахстан. Другим примером может служить идея мониторинга конституции, сформулированная российским ученым Н.Н. Черногором в 2008 г., которая активно развивается правоведами Республики Беларусь. В результате, российская наука упускает первенство в разработке тех или иных вопросов и формировании теоретических и методологических основ применения отдельных современных правовых инструментов государственного управления в условиях глобализации и модернизации национальных правовых систем. Сейчас трудно сказать, являются приведенные примеры лишь единичными, случайными фактами или в этом прослеживается определенная закономерность, тенденция в развитии отечественной правовой науки, ее взаимодействии с государственно-правовой практикой. Поиск ответа на этот вопрос не входит в задачи, решаемые в настоящей статье, однако, думается, что такого рода «сигналы» не должны остаться без внимания и доктринального осмысления. И дело даже не в самих идеях, их состоятельности или ущербности. В центре внимания должен оказаться вопрос о причинах их не востребованности на родине, но «прорастании» за рубежом.

Очередным шагом в обосновании необходимости включения в содержание правового мониторинга прогнозирования будущего состояния его объектов нам видится постановка и изучение вопроса о прогностической функции данного института. Подтверждение рабочей гипотезы о том, что это направление деятельности субъектов монито-

ринга, проводимой в рамках общей программы мониторингового исследования, будет иметь не только сугубо теоретическое значение, т.к. эти выводы способны существенно дополнить систему теоретического знания о данном правовом явлении, его природе и закономерностях функционирования. Решение этой задачи может сыграть важную практическую роль в деле оптимизации организационно-правовой и методической основ правового мониторинга.

Необходимость включения прогнозной составляющей в систему правового мониторинга объясняется следующими обстоятельствами. В ходе реализации правовых норм непрерывно возникают позитивные и негативные отклонения от правовой модели. Такие отклонения отражают нарушения социальных норм, которые характеризуются массовостью, устойчивостью и распространенностью при сходных социальных условиях. Правоприменение позволяет выявить пробелы, противоречия и другие дефекты в процессе реализации правовых норм, определить действенность мер ответственности и стимулирования, а в целом – эффективность правового регулирования.

Процесс совершенствования правовой основы развития государства не завершается проведением мониторинговых исследований. В целях определения динамики форм правового регулирования и их соотношения с внеправовыми регуляторами необходимо использовать научный инструментарий юридического прогнозирования.

К выводу о необходимости включения прогнозирования в механизм правового мониторинга приводит и рассмотрение целей и задач последнего. Несмотря на существующие разночтения в определении цели(ей) правового мониторинга, провозглашаемых различными учеными, можно констатировать, что в большинстве случаев речь идет о создании эффективного механизма правового регулирования посредством обеспечения обратной связи между законодателем и обществом, субъектами нормотворческой деятельности и правоприменителем [7, с. 20–21]. Характеризуя цель правового мониторинга специалисты отмечают, что она состоит в обеспечении эффективного действия цикла правового регулирования общественных отношений от момента придания юридической силы правовой норме до выявления проблем ее практического применения и выработки путей дальнейшего совершенствования [7, с. 20–21].

Обеспечить эффективное правовое регулирование невозможно без научного предвидения будущего развития общественных отношений в

той или иной сферах, прогнозирования качественных и количественных характеристик различных правовых явлений, четкого понимания последствий принятия или затягивания реализации отдельных законодательных решений.

Нельзя забывать, что результаты правового мониторинга находят свое непосредственное выражения в конкретных предложениях по изменению действующих нормативных правовых актов или по принятию новых, опосредующих вновь складывающиеся общественные отношения, оформляющих и корректирующих в интересах общества и государства их динамику, нацеленных на перспективу. Такого рода предложения должны опираться на серьезную прогнозную основу. В противном случае они могут привести к снижению эффективности правового регулирования, принятию «не работающих» законов и другим негативным для общества последствиям. Не случайно правовой мониторинг рассматривается специалистами в качестве элемента механизма правотворчества (первоначальной стадией), позволяющего субъектам правотворчества выявлять необходимость в правовом регулировании [1]. Такого рода потребность не может быть сиюминутной. При правильной постановке правотворческой деятельности, принятие нормативного правового акта, особенно закона, должно быть нацелено на удовлетворение глубинной потребности общества, отражающей основные тенденции его развития. Однако потребность в новых нормах права редко очевидна. Чаще всего она выявляется в результате мониторинговых и прогнозных исследований. Таким образом, правовой мониторинг охватывает стадии подготовки нормативного правового акта, придания ему юридической силы, правоприменения, оценки последствий его действия и прогнозирования направлений развития правового регулирования в соответствующей сфере.

Из вышеизложенного следует, что прогнозирование – это важный элемент правового мониторинга, его важнейшая функция. Очевидно, что ее осуществление невозможно без создания полноценного механизма ее реализации, который в настоящее время, как показывает практика, имеет весьма размытые очертания. Поэтому разработка данного механизма на сегодняшний день является одной из актуальных задач, стоящих как перед юридической наукой, так и перед практикой совершенствования правовой системы Российской Федерации. Решение этой задачи несколько упрощается тем, что в правовой науке уже имеется серьезный задел в части разработки теории и методоло-

гии юридического прогнозирования. Существуют и практические рекомендации прогнозирования отдельных государственно-правовых явлений [8]. Полагаем, что они легко могут быть адаптированы для проведения прогнозных исследований будущего состояния объектов правового мониторинга. Основное внимание следует сконцентрировать на том, как встроить прогнозную составляющую в механизм правового мониторинга, как интегрировать технологию юридического прогнозирования в методику проведения правового мониторинга, как обеспечить полноценное действие механизма реализации прогностической функции правового мониторинга в механизме последнего, сбалансировать осуществление всех функций правового мониторинга, а также деятельность субъектов и участников мониторинга в сфере права по всем направлениям его воздействия на процесс правового регулирования общественных отношений.

Библиографический список

1. Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Роль мониторинга нормативных актов для систематизации российского законодательства // Юридическая техника. Ежегодник. № 2. – Н.Новгород, 2008.
2. Горохов Д.Б., Глазкова М.Е. Организация правового мониторинга в субъекте Российской Федерации: рекомендации по совершенствованию (на примере г. Москвы) // Журнал российского права. 2009. № 1.
3. Закон Республики Казахстан «О нормативных правовых актах» // <http://www.adilet.gov.kz>. Постановление Правительства Республики Казахстан от 25 августа 2011 г. № 964 «Об утверждении Правил проведения правового мониторинга нормативных правовых актов» (см.: <http://www.adilet.gov.kz>).
4. Иванова Л.А. Определение эффективности нормативных актов в процессе правового мониторинга: Автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
5. Миронов С.М. Теория и практика мониторинга правового пространства и правоприменительной практики: итоги и перспективы // Вестник Совета Федерации. Мониторинг права в Российской Федерации. 2006. № 4–5.
6. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология / Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009.

7. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. Н.Н. Черногора. – М.: Международный юрид. ин-т, 2010. – С. 40–41.

8. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм / Радченко В.И., Иванюк О.А., Плюгина И.В., Цирин А.М., Чернобель Г.Т. // Журнал российского права. 2008. № 8.

9. Глупова А.В. Региональный правовой мониторинг законопроекта и закона в субъектах Северо-Кавказского Федерального округа: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нальчик, 2011.

10. Фадеева А.С. Аналитическая функция правового мониторинга: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.

11. Черногор Н.Н. Деятельность парламента в сфере правового мониторинга. В кн.: Правовой мониторинг. Научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2009.

Жданова Ю.А.,

аспирант Международного юридического института

Zhdanov Y.A.,

graduate student of the International Law Institute

Современные подходы к пониманию стандартов правосудия

Modern approaches to understanding the standards of justice

Аннотация. Статья посвящена проблеме понимания стандартов правосудия на абстрактно-теоретическом уровне, предполагающем выход на наиболее высокий уровень обобщения закономерностей развития и функционирования этого государственно-правового явления. Автором проанализированы, обобщены и систематизированы доктринальные воззрения современных ученых на эту проблему, проведена их классификация и дана развернутая характеристика существующих подходов к определению теоретико-правового понятия стандартов правосудия, показана их ценность и возможности использования в научном исследовании и в юридической практике, определены пер-

спективы формирования интегративного понятия, отражающего сущность и содержание этого явления.

Ключевые слова: государство, право, правоприменение, правосудие, права человека, стандарт, субъективное право, суд.

Annotation. The article is devoted to the understanding of standards of justice at an abstract and theoretical level, implying a yield at the highest level of generalization patterns of development and functioning of the state-legal phenomena. The author analyzes, summarizes and systematizes the doctrinal views of modern scholars on this issue, their classification and presents detailed characteristics of existing approaches to the definition of the theoretical framework of the concept of justice standards shown their value for use in scientific research and in the practice of law, the prospects for the formation of integrative concepts that reflect the nature and content of this phenomenon.

Keywords: state, law, law enforcement, justice, human rights, standard, subjective right, the court.

Принципиальным вопросом, связанным с решением задачи формирования теоретической основы, необходимой для правильного установления и эффективной реализации стандартов правосудия, является определение сущности и содержания этого явления, формирование соответствующего понятия. Данное утверждение вызвано тем, что становление теоретического знания о государственно-правовых явлениях, как известно, происходит путем выявления наиболее общих закономерностей их возникновения, развития, функционирования и отражения этих закономерностей в системе понятий. Соответствующие закономерности в правовой литературе отражаются и раскрываются в правовых понятиях посредством философских категорий «содержание» и «форма», «сущность» и «явление» и некоторых других.

В теории права и в отраслевых юридических науках до настоящего времени нет единого понимания стандартов правосудия. Не выработано и общей точки зрения по многим принципиальным вопросам, таким как правовая природа стандартов правосудия, их место и роль в национальной правовой системе, в регулировании процессуальных отношений и др. В то же время содержание понятия стандартов правосудия во многом определяет правовое и организационное наполнение механизма обеспечения эффективного функционирования этого явления в государственно-правовой сфере. Таким образом эта теоре-

тическая проблема переходит в практическую плоскость, а задача ее решения приобретает не только доктринальное, но и прикладное значение.

В правовой науке, причем не только в теории государства и права, но и в других отраслях юридического знания, имеется определенный задел в разработке заявленной проблемы [4; 8; 12; 17; 18]. Существующие наработки в этой части демонстрируют многообразие точек зрения на проблему определения понятия, сущности и содержания стандартов правосудия. Их анализ позволяет сделать вывод, что к настоящему времени наметились два подхода к доктринальному пониманию этого государственно-правового явления. Условно их можно назвать «узким» и «широким» подходами. Причем, среди сторонников как узкой, так и широкой трактовки стандартов правосудия существуют определенные разногласия в вопросе определения соответствующего понятия. Существующие дефиниции, предложенные правоведами, в одних случаях являются описательными, отражающими крайне важные, но все же внешние признаки стандартов правосудия, другие – смешанными, сочетающими как описательные, так и сущностные признаки.

Узкий подход характеризуется односторонностью трактовки исследуемого правового феномена, ориентирует на восприятие стандартов правосудия как простого явления, не имеющего сложной внутренней структуры. При таком подходе понятие стандарта правосудия отражает, как правило, один из признаков или элементов этого сложного, с точки зрения его внутренней организации, явления (норма права, принцип судебной деятельности, субъективное право, требование к деятельности суда и др.). Широкий подход, напротив, проявляет себя в попытках обоснования выводов о том, что стандарты правосудия – это сложное в структурном отношении явление. Его в совокупности образуют принципы судебной деятельности, требования, обращенные к государственным органам, отдельные процессуальные правила и прочее (подробнее это будет показано ниже).

Основу узкого подхода к определению стандартов правосудия составляет суждение о тесной взаимосвязи прав и свобод человека с судебной формой их защиты. Последняя является одной из важнейших форм правовой защиты. Под судебной формой защиты прав и свобод человека понимается деятельность органов судебной власти по осуществлению защиты законных прав и интересов граждан на основе

конституционных принципов, правовыми способами и средствами в предусмотренной законом процессуальной форме путем рассмотрения споров, жалоб, осуществления особого производства, судебного контроля и принятия законного и обоснованного судебного решения в целях предупреждения возможных и пресечения совершаемых правонарушений; устранения препятствий в осуществлении субъективных прав; восстановления нарушенных субъективных прав и законных интересов обратившегося за защитой лица (правообладателя); укрепления конституционного правопорядка [1, с. 464]. Объективное существование упомянутой связи обусловило распространение научных представлений о стандартах прав человека на сферу правосудия. С этой точки зрения, стандарты правосудия, в ряде случаев, определяются на основе общего представления о стандартах прав человека в различных сферах общественной жизни, как минимальных ориентиров (интернациональных стандартов) для создания в национальном законодательстве норм, направленных на обеспечение необходимого уровня реализации гарантированных прав и свобод, а также на защиту этих прав [6, с. 43].

Данный подход к определению стандартов правосудия представляется поверхностным, т.к. сформулированное на основе его применения правовое понятие стандарта правосудия не отражает сущности данного явления, его правовой природы, а также сложной внутренней структуры. При таком его восприятии за пределами предмета исследования остаются вопросы о степени императивности и пределах общезначимости упомянутых ориентиров (стандартов) для государства и его органов, их юридической силе, механизме прямого действия и др. По этой причине мы не можем согласиться с правоведами, придерживающимися данной точки зрения. Изучение стандартов правосудия под этим углом зрения существенно сужает предмет исследования, сокращает его проблематику и таит в себе опасность ошибочных выводов и заблуждений. Адепты этого подхода акцентируют свое внимание на одной из сторон этого сложного явления, его отдельных проявлениях в государственно-правовой действительности. При этом другие существенные признаки, свойства и структурные элементы данного правового явления остаются вне поля зрения исследователей. Соответственно, правовые дефиниции, сформулированные с любой из этих точек зрения, не отражают в достаточном объеме содержание данного явления, его сущность и особенности.

Гораздо более продуктивным представляется подход к изучению стандартов правосудия и к формированию теоретико-правового знания о них, который состоит в восприятии этого государственно-правового феномена как сложного в структурном и в содержательном отношении явления (М.Е. Глазкова, Е.В. Медведев). Ценность широкого подхода к изучению данного явления состоит в том, что он ориентирует исследователя на восприятие стандартов правосудия как системы различных по своей правовой природе элементов. Он открывает возможности применения структурно-функционального анализа к изучаемому явлению. В то же время, широкий подход к трактовке стандартов правосудия таит в себе опасность необоснованно, ошибочно включить в содержание понятие стандарта правосудия (а, следовательно, и в предмет исследования, а затем в предмет регулирования и контроля) элементы, не относящиеся к его содержанию, а являющиеся смежными, тесно взаимодействующими с ними. Так, некоторые авторы включают в понятие стандарта правосудия: условия действия принципов отправления правосудия и требований к судопроизводству, а также к деятельности по исполнению судебных актов; международные обязательства государства по обеспечению их реализации на своей территории. Таким образом, во взглядах представителей широкого подхода к пониманию стандартов правосудия явно прослеживается попытка объединить в одном понятии не только сущность и содержание рассматриваемого явления, но и средства обеспечения его функционирования в национальной правовой системе. Это, в свою очередь, необоснованно расширяет пределы соответствующего понятия и ведет к формированию ошибочного научного знания о закономерностях возникновения, развития и функционирования рассматриваемого правового явления.

Выводы сторонников широкого подхода к пониманию стандартов правосудия, безусловно, создают необходимые ориентиры в теоретико-правовом исследовании, открывают возможность анализировать и оценивать практику реализации упомянутых стандартов в национальной правовой системе, видеть недостатки в их реализации, создают предпосылки для того, чтобы сделать деятельность государства в этой части целенаправленной, понятной и последовательной.

Проведенный анализ различных взглядов на проблему доктринального понимания стандартов правосудия показал, каким сложным объектом исследования они являются. Различные теоретико-правовые

трактовки этого явления позволяют осуществить его содержательный анализ под разными углами зрения, что значительно усложняет задачу исследователя. В научных целях и в интересах эффективного правового регулирования общественных отношений, связанных с отправлением правосудия следует приветствовать разные подходы к пониманию стандартов правосудия, разные их определения, а также стремление к их синтезу в рамках единого понятия, если это диктуется практической необходимостью. Для практического использования уместно добиваться единого их понимания, которое отличалось бы не только своей пригодностью к практическому использованию, но и выходом на интегративное восприятие.

Библиографический список

1. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. – М.: Норма, Инфра-М, 2010.
2. Анишина В.И. Влияние решений Европейского суда по правам человека на российское правосудие // Международное публичное и частное право. 2007. № 1.
3. Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина // Российский судья. 2009. № 1.
4. Глазкова М.Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: Монография. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2012.
5. Глазкова М.Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
6. Глухарева Л.И. Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2004.
7. Доронина О.Н., Калинин В.А. Влияние европейских стандартов в области прав человека на российское законодательство и правоприменительную практику // Адвокатская практика. 2008. № 1.
8. Европейские стандарты права на справедливое судебное разбирательство и российская практика / Под общ. ред. А.В. Деменевой. – Екатеринбург, 2004.
10. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. – М.: Проспект, 2010.

11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ЕТС № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) (Ст. 6) // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.
12. Медведев Е.В. Развитие и реализация стандартов правосудия в Российской Федерации (теоретико-правовой аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.
13. Медведев Е.В. Развитие и реализация стандартов правосудия в Российской Федерации. Автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.
14. Орзих М.Ф. Право и личность. Вопросы теории правового воздействия на личность социалистического общества. – Киев–Одесса, 1978.
15. Тиунов О.И. Всеобщая декларация прав человека в нормах международного и конституционного права // Журнал российского права. 2009. № 2.
16. Хански Р., Сукси М. Введение в вопросы международной защиты прав человека / Пер. А. Иванченко, ред. Л. Архипова. – М.: Права человека, 1997–1998.
17. Черногор Н.Н. Теоретико-правовые вопросы реализации права на справедливое судебное разбирательство // Вестник Академии права и управления. 2014. № 2 (35).
18. Черногор Н.Н., Медведев Е.В. Стандарт правосудия как теоретико-правовая категория // Адвокат. 2012. № 10.
19. Эбзеев Б.С. Глобализация, европейский консенсус и рецепция Россией европейских гуманитарных стандартов: механизм и пределы (конституционные ориентиры) // Теоретические и практические проблемы правоприменения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: Пособие для судей. – М., 2006.
20. Юсупов Т.Б. Некоторые аспекты реализации принципа правовой определенности в свете европейских стандартов защиты прав человека // Российское правосудие. 2008. № 4.

Никульцева А.Н.,

аспирант Международного юридического института
Nikultsev A.A.,
postgraduate student

Анализ законодательства стран Евросоюза в системе противодействия мошенничеству в сфере биржевого оборота ценных бумаг

Analysis of the legislation of the eu counteraction to fraudulece in exchange trading of financial securitie

Аннотация. В статье рассматривается феномен такого значительного и международного явления как преступления в сфере биржевого оборота ценных бумаг и меры, предпринимаемые странами Евросоюза для противодействия этому виду преступлений. В силу своего характера, распространенности, а также сложности и комплексности проблемы преступлений в сфере биржевого оборота ценных бумаг, особенную важность приобретает международная кооперация в предупреждении, выявлении и фиксации, а также в наказании за этот вид преступной деятельности. В условиях глобализации рынков, создание актуального и специализированного законодательства в привязке к международным стандартам должно стать первоочередной задачей для отечественных ученых и законодателей.

Ключевые слова: биржевая торговля, мошенничество, ценные бумаги.

Annotation. The article confiders the phenomenon of such significant and international event as a crime in exchange trading of financial securities and the measures taken by the EU for counteraction to this type of crime. Because of its nature, extent, and complexity, and complexity of the problem of crime in exchange trading of financial securities, so special importance is the international cooperation in the prevention, detection and fixing, also the punishment for this kind of criminal activity. In the context of globalization of markets, the creation actual and specialized legislation in conjunction with the international standards should be a priority for Russian scientists and legislators.

Keywords: exchange trade, fraudulence, financial securities.

В эпоху быстрого развития рынка ценных бумаг, его глобализации и огромной капитализации, при условии уязвимости каналов передачи финансовых потоков и финансовой информации мошенничество в сфере оборота ценными бумагами стало серьезной международной проблемой. Потому изучение, классификация и выработка методов противодействия мошенничеству с ценными бумагами давно стали всемирными приоритетами для ученых и законодателей.

К противозаконным операциям на рынке ценных бумаг следует, прежде всего, отнести инсайдерские сделки и ценовое манипулирование. Инсайдерская операция – это использование внутренней ценовой информации, которая еще не была официально раскрыта, ради собственной пользы, что нарушает принцип равноправия участников фондовых рынков. Инсайдерской является информация о ценных бумагах и сделках с ними, а также об эмитенте этих ценных бумаг, которая одновременно является существенной и не обнародованной, раскрытие которой повлияет на рыночную цену этих ценных бумаг.

Под манипулированием понимают умышленные или добровольные действия, направленные на заблуждение или злоупотребление доверием (мошенничество) в отношении участников рынка ценных бумаг, путем установления контроля над ценами или осуществления искусственного воздействия на стоимость ценных бумаг. Манипулирование рынком ценных бумаг включает в себя покупку и продажу ценной бумаги с целью создания ложного представления об активной торговле или предоставлении недостоверной информации о ценных бумагах, эмитенте и стоимости (включая информацию, приведенную в рекламе). Это делается с целью поднятия или снижения цены, а также для поощрения других участников рынка к покупке или продаже ценной бумаги, которое ведет к целенаправленному изменению ее цены¹.

В последние годы увеличилось количество резонансных дел, в которых владельцы крупных компаний или участники фондовых рынков обвинялись в использовании инсайдерской информации с целью получения сверхприбылей. Манипулирование на рынке ценных бумаг и злоупотребление инсайдерской информацией заставило международных финансовых регуляторов крайне жестко подходить к раскрытию

¹ Рубцов Б.В. Мировые рынки ценных бумаг. – М.: ЮНЕКС, 2012. С. 272.

компаниями информации о своей деятельности и к использованию непубличной информации. Именно поэтому в 2003 г. Европейская комиссия утвердила директиву 2003/6/ЕС «Об инсайдерских сделках и манипулировании на рынке», тем самым усилив требования к распространению непубличной информации¹.

Проблеме манипулирования ценами на рынке ценных бумаг было уделено значительное внимание в краеугольном для рынка международном документе «Цели и принципы регулирования рынков ценных бумаг», принятом на конференции IOSCO (International Organization of Securities Commissions – Международная организация комиссий по ценным бумагам) в ноябре 1998 г. В статье 13.5 этого документа указано, что «Обеспечение своевременного доступа к информации является ключевым аспектом регулирования торговли на вторичном рынке. Своевременный доступ к необходимой информации об осуществлении торговли на вторичном рынке позволяет инвесторам лучше отслеживать свои собственные интересы и уменьшает риск манипулятивных или иных действий в торговой практике».

Статья 13.6 этого же документа содержит следующие указания: «Регулирование торговли на вторичном рынке должно предусматривать запрет манипуляций на рынке, использование инсайдерской информации и другие нарушения, которые могут негативно влиять на систему определения цены, на саму цену и вредить тем самым инвесторам»².

Специфический характер правоотношений на фондовом рынке объективно предполагает наличие благоприятных условий для совершения различного рода злоупотреблений, особенно со стороны лиц, действующих изнутри, – должностных лиц профессиональных участников фондового рынка. Именно по этой причине гражданско-правовые средства воздействия на злоупотребление в государствах Западной Европы дополнялись уголовно-правовыми запретами. Сегодня общие принципы, цели, задачи, средства уголовно-правового воз-

¹ Директива 2003/6/ЕС «Об инсайдерских сделках и манипулировании на рынке» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.icqc.eu/ru/EU-directive.php>

² Objectives and Principles of securities regulation. International Organization Of Securities Commission (September 1998) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iosco.org>

действия на лиц, совершающих злоупотребления на фондовом рынке, предусмотрены в отдельных европейских странах не только в уголовных кодексах, но и в гражданском и финансовом законодательстве этих стран. Например, Международной организацией комиссией по ценным бумагам (IOSCO) были определены такие главные цели и принципы регулирования фондового рынка:

- защита инвесторов;
- обеспечение прозрачности и эффективности рынка и честных правил торговли;
- снижение уровня системного риска¹.

В Германии главными источниками уголовно-правовой охраны фондового рынка являются Закон о биржах, Закон о кредитных операциях, Закон о торговле ценными бумагами, Уголовный кодекс, которые были приняты во второй половине XIX в. Правоотношения в финансово-кредитной сфере постоянно совершенствовались путем изменения федерального законодательства и законодательства отдельных земель. В частности, Федеральным законом 1994 г. «О торговле ценными бумагами» определено, что отдельные виды нарушений правил торговли ценными бумагами, которые могут совершать профессиональные участники рынка, наказываются заключением сроком до пяти лет. Злоупотребления в указанной сфере наказываются также и по Уголовному кодексу (УК) Германии. В частности, в соответствии с п. 263 раздела 22 «Мошенничество» УК Германии, к уголовной ответственности привлекается тот, «кто действует с намерением получить для себя или для другого лица выгоду путем ложных фактов или их искажения или сокрытия действительных фактов и вводит в заблуждение потерпевшего или поддерживает его заблуждение». Более конкретизирован является параграф 264а, где предусмотрена ответственность лица, которое в связи с продажей ценных бумаг сообщает большому кругу лиц ложные сведения о выгоде такого приобретения, которые являются существенными для решения вопроса о приобретении или повышение курса ценных бумаг, или умалчивает сведения о невыгодных фактах такого приобретения. За совершение указанного

¹ International Organization Of Securities Commission – Main principles. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iosco.org>

преступления предусмотрено лишение свободы до трех лет или денежные штрафы¹.

В УК Испании также присутствует норма, в которой установлена ответственность профессиональных участников фондового рынка. Так, в ст. 285 определено, что лицо, которое использует или предоставит информацию, значимую для котировки любого вида ценных бумаг на организованном, официальном или признанном рынке, и получит для себя или третьего лица экономическую выгоду или повлечет ущерб, подлежит наказанию в виде заключения на срок от одного до четырех лет и уплаты штрафа в тройном размере от стоимости прибыли, которую это лицо получило или получению которой способствовало. Субъектом такого преступления является лицо, которому сведения стали известны в связи с выполнением им профессиональной деятельности, в частности служебное лицо профессионального участника фондового рынка². Другие виды преступных деяний указанных лиц УК Испании признаются мошенничеством, под которым понимают заблуждение с корыстной целью, достаточной для того, чтобы ввести другое лицо в заблуждение, которое побуждает его совершить действия по распоряжению имуществом (ценными бумагами), нанося себе вред или в ущерб другим лицам. Мошенничеством по испанскому УК считается также манипулирование информацией, в результате которого происходит неправомерная передача имеющегося имущества в ущерб третьим лицам.

Еще одной страной, в законодательстве которой преступные деяния профессионального участника фондового рынка по манипулированию ценами на фондовом рынке признаются мошенничеством, является Швеция. В этой стране уголовно наказуемы злоупотребления, сущность которых заключается в распространении информации, вводящей в заблуждение, с целью повлиять на цену любого имущества, в том числе ценных бумаг. Среди других субъектов привлечению к ответственности за такие деяния подлежат лица, занимающие опреде-

¹ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/>

² Уголовный кодекс Испании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-ispanii/>

ленные должности в организациях, участвующих в торгах на фондовом рынке¹.

Так же ответственность указанных лиц предусмотрена и УК Голландии (ст. 225, 226, 334) – за противоправное получение прибыли путем манипуляций относительно цен на ценные бумаги. Квалифицированным преступлением считается совершение указанного деяния путем материального или интеллектуального подлога акций, облигаций или депозитных свидетельств. За такое деяние лицу может быть назначено наказание в виде лишения свободы сроком до семи лет².

Негативные тенденции, наблюдаемые на финансовых рынках в последние годы, спровоцировали устойчивый рост количества совершаемых мошенничеств с ценными бумагами. Это связано с постоянным поиском инвесторами новых, альтернативных инвестиционных возможностей. Даже в ЕС с крайне строгим законодательством достаточно распространена торговля инсайдерской информацией. Так, по данным Еврокомиссии, на протяжении последних двух десятилетий наблюдается стремительное увеличение количества случаев торговли инсайдерской информацией в странах ЕС, особенно в еврозоне. Противоправные деяния, предметом которых является инсайдерская информация, проявляются в таких формах:

- торговля базовой, непубличной (управленческой) информацией, в том числе утечка конфиденциальной информации от члена корпорации;
- утечка информации от менеджеров или других лиц, которые принимали участие в переговорах по поглощению или объединению нескольких субъектов хозяйствования;
- утечка информации от посредников или контрагентов³.

Перечисленные проявления расцениваются специалистами как непрерывная угроза для нормального функционирования финансовых рынков стран ЕС, ведь это подрывает доверие инвесторов к честной и прозрачной работе рынков. При торговле инсайдерской информацией

¹ Уголовный Кодекс Швеции [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii

² Уголовный кодекс Голландии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/>

³ Доклад Комиссии о биржевой торговле в странах ЕС – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/index_en.htm

лица, которые ею владеют еще до момента снижения в цене акций проблемных компаний, имеют возможность быстро их реализовать и получить значительную прибыль. И хотя при этом, как правило, ни одному лицу не наносится материальный ущерб, убытки несет финансовый рынок государства в целом, ведь у инвесторов пропадает доверие к прозрачности процессов, которые на нем происходят, фиксируется отсутствие честной конкурентной борьбы, нивелируются возможности заключать реальные сделки и рассчитывать свои риски, исходя только из действий экономических законов, а не определенных субъективных факторов.

Еще одной разновидностью финансового мошенничества является инвестиционное мошенничество, т.е. мошеннические действия, совершенные в процессе продажи финансовых инструментов. Так, Еврокомиссией в течение 2012–2014 гг. было расследовано 1846 дел, связанных с мошенничеством с ценными бумагами, в том числе составлено 520 обвинительных приговоров, возмещен ущерб потерпевшим в размере 280 млн. евро, взыскано 113 млн. евро в виде штрафов и конфисковано активов на сумму 751 млн. евро¹.

Итак, международный опыт уголовно-правовой охраны правоотношений, возникающих на фондовом рынке, характеризуется не слишком активным установлением ответственности непосредственно профессиональных участников фондового рынка. Если рассматривать ответственность этих лиц, то преимущественно предусмотрены нормы, которые не выделяют их как специального субъекта. Хотя статистические сведения свидетельствуют о том, что отдельные преступления совершают именно профессиональные участники фондового рынка, в частности их должностные лица².

В российском законодательстве отсутствуют многие категории, присущие европейскому законодательству в сфере мошенничества на рынке ценных бумаг, так как отечественная правовая традиция относит такие преступления к более широкой общей категории «мошенничество». Такое положение передалось в наследие от советских юриди-

¹ Доклад Комиссии о биржевой торговле в странах ЕС и еврозоне – 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/index_en.htm

² Телигов А.М. Развитие финансового рынка в контексте формирования финансовой безопасности страны // Вестник Российской академии банковского дела. 2008. № 1 (124). С. 28–32.

ческих норм, где отсутствие легального рынка ценных бумаг (советские государственные облигации займа таковыми по ряду признаков быть не могли), бирж и фондовых рынков соответственно отобразилось в правовых документах.

Потому в целом, в отличие от стран Западной Европы с вековыми традициями урегулирования биржевой торговли, оформленными законодательно, в России можно констатировать существенное отставание именно в области формализации биржевых нарушений, в том числе в Уголовном кодексе. Этот вопрос становится тем более актуальным и критически важным во время значительных рыночных флуктуаций 2014 и 2015 годов, когда именно спекулятивные действия, в том числе основанные на инсайдерской информации, значительно способствовали обвалу на валютном рынке страны. На текущий момент, в Уголовном кодексе есть две статьи для борьбы со спекуляциями на рынке – ст. 185.3 («Манипулирование рынком») и ст. 185.6 («Неправомерное использование инсайдерской информации»), однако практика их применения отсутствует. Вопрос применения этих уголовных статей на практике, в первую очередь, связан с качеством законодательства и квалификацией следовательского корпуса. В то же время, рынок практически незащищен от таких манипуляций, что наносит непоправимый ущерб экономике страны.

Так, представитель Следственного комитета России Георгий Смирнов характеризует последние инициативы СК именно как борьбу с инсайдерской информацией на рынке: «Использование инсайдерской информации, например о предстоящих валютных интервенциях ЦБ, с последующим совершением сделок купли-продажи валюты на основе этих данных нарушает конкуренцию и права других игроков на валютном рынке». Это, по его словам, в условиях большого объема таких операций вызывает резкие курсовые колебания валют, не обусловленные фундаментальными факторами экономики, что создает условия для повышения уровня инфляции. Смирнов оценил объем операций, совершенных с использованием инсайдерской информации, в 50–70% от всех валютных операций¹.

Такие оценки говорят о практически полном отсутствии защиты от этого вида биржевого мошенничества – колоссальная доля примене-

¹ Старостина Н., Солопов М., Алешкина Т. Кого чиновники винят в обвале рубля? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rbcdaily.ru/finance>

ния инсайда в торговле на биржах в совокупности с полным отсутствием преследований по этому поводу, а также невозможность остановить утечки даже на уровне ЦБ полностью характеризуют качество работы по профилактике этих преступлений в России.

Следует также понимать, что европейские нормы борьбы с этим видом мошенничества на всех уровнях стремятся, прежде всего, технически регламентировать обеспечение безопасности инсайдерской информации. Система профилактики биржевого мошенничества в ЕС базируется также на системах защиты информации, технических регламентах норм проведения торгов, ограничениях объемов и сумм торгов и кибербезопасности. Особую роль играет и унификация регламентов на всех биржах еврозоны, а также координация с международными организациями в вопросе профилактики мошенничества на биржах, что исключает возможность спекуляции на законодательных различиях разных стран. Ужесточение наказания за подобные преступления без полной системы профилактики, предполагающей контроль за информацией и контроль за организацией проведения торгов, бессмысленно при масштабах этого явления на российских фондовых рынках.

Одним из методов профилактики мошенничества с использованием инсайдерской информации должно стать требование к максимальной открытости финансовой отчетности российских компаний. На данный момент, финансовую отчетность за международными стандартами публикуют лишь те из российских компаний, что сами торгуют на международных площадках, так как это входит в требования для IPO на международных биржах. Между тем, это один из наиболее эффективных методов борьбы с использованием инсайдерской информации – ведь на основании анализа открытых источников можно сделать довольно точные выводы о капитализации компании и минимизировать влияние ложной или инсайдерской информации для спекулирования на курсе ее акций.

Следует также отметить, что ситуация, которая сложилась в России, заключается в том, что большинство бирж для прохождения листинга устанавливают чисто символическую плату, а прохождение официальной котировки ценных бумаг отечественных эмитентов на некоторых биржах осуществляется совершенно бесплатно. Однако такие экономические поощрительные меры не способствуют выходу на организованные рынки эмитентов и концентрации на этих рынках

спроса и предложения. Таким образом, неразвитость бирж в России вынуждает организации снижать планку требований для компаний, которые торгуют на их площадках, что, в свою очередь, способствует спекулятивной активности.

Таким образом, европейский опыт борьбы с мошенничеством на рынках ценных бумаг крайне востребован в вопросе обмена опытом и обучения следователей, у которых полностью отсутствует практика расследования таких дел. Также остро стоит вопрос установления европейских стандартов регламента торгов, защиты информации и введения практики обнародования финансовой отчетности согласно международным стандартам.

Преступления, связанные с оборотом ценных бумаг, являются наиболее сложными организационно, быстро эволюционирующими и требующими постоянного мониторинга, повышения квалификации юридических работников и актуализации законодательных норм. В связи с этим, вопрос их профилактики является сложнейшим вызовом как для научных кругов, так и для органов власти. Практическая борьба с этим явлением, особенно в сфере спекуляций на основании инсайдерской информации, в России носит пока еще, к сожалению, несистемный и неглубокий характер.

Таким образом, позднее включение в общемировые рынки ценных бумаг, рост и организационно-структурное усложнение международного рынка ценных бумаг создали критическую ситуацию для развития отечественной экономики в целом и фондового рынка в частности. В этих условиях создание актуального и специализированного законодательства в привязке к международным стандартам с целью создать организованный легальный и безопасный рынок ценных бумаг России должно стать первоочередной задачей для отечественных ученых и законодателей. Сосредоточение ценных бумаг на организованном рынке имеет существенное значение не только при решении вопроса функционирования прозрачного, ликвидного, привлекательного для инвестиций национального фондового рынка, но является одним из факторов предотвращения манипулирования на рынке ценных бумаг, оттока капитала за пределы государства и финансовой безопасности государства.

Анализ европейского опыта борьбы с мошенничеством с ценными бумагами, особенно в правовой сфере, указывает, прежде всего, на развитость законодательства – директива 2003/6/ЕС «Об инсайдерских сделках и манипулировании на рынке» детально регламентирует пра-

вила проведения торгов для минимизации системных рисков. Система предупреждения мошенничества базируется на принципах, которые следует внедрить в российский опыт:

- требования к организации биржевых торгов минимизируют количество сомнительных участников и сделок (в России требования к участникам торгов минимальны),
- высокие требования к защите информации и финансовых потоков, защита от киберпреступников, информирование участников рынка о правилах информационной безопасности,
- международная кооперация с целью борьбы с международными преступлениями в сфере мошенничества с ценными бумагами, что особенно важно в период активизации этого вида преступности,
- максимальная открытость финансовой отчетности компаний, что нивелирует значение инсайдерской информации.

Взаимодействие на международном уровне позволит бороться с мошенничеством лиц независимо от юрисдикций, в которых они оперируют. Особо важным является вопрос компетентности следственных органов. Она практически отсутствует в вопросах расследований мошенничества на биржах с применением инсайдерской информации. На практике это означает, что в стране отсутствуют возможности для эффективного преследования мошенников на рынках ценных бумаг.

Библиографический список

1. Рубцов Б.В. Мировые рынки ценных бумаг. – М.: ЮНЕКС, 2012.
2. Директива 2003/6/ЕС «Об инсайдерских сделках и манипулировании на рынке» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.icqc.eu/ru/>
3. Objectives and Principles of securities regulation. International Organization of Securities Commission (September 1998) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iosco.org>
4. International Organization Of Securities Commission – Main principles. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iosco.org>
5. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/>
6. Уголовный кодекс Испании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-ispanii/>
7. Уголовный Кодекс Швеции [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shveci

8. Уголовный кодекс Голландии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm>.

9. Доклад Комиссии о биржевой торговле в странах ЕС – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/>

10. Доклад Комиссии о биржевой торговле в странах ЕС и еврозоне – 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/index_en.htm

11. Телигов А.М. Развитие финансового рынка в контексте формирования финансовой безопасности страны // Вестник Российской академии банковского дела. 2008. № 1 (124).

12. Н. Старостина, М. Солопов, Т. Алешкина Кого чиновники винят в обвале рубля? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rbcdaily.ru/finance>

Доценко Е.А.,

аспирант Международного юридического института

Dotsenko E.A.,

postgraduate student of the International Law Institute

Правовая культура в современной России

Legal culture in modern Russia

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления и развития правовой культуры на современном этапе в России. Автором сделаны выводы о том, что современная Россия находится на переходном этапе своего развития. Системный кризис российского общества сказался на правовом и политическом сознании россиян. А также для Российской Федерации определяется первостепенная задача по всесторонней защите прав и свобод своих граждан.

Ключевые слова: правовая культура, гражданское общество, правовое воспитание.

Annotation. This article discusses the problems of legal culture, its formation and development in modern Russia. The author draws a conclusion that at the present time Russia is experiencing a transitional phase of its development. The systemic crisis of the Russian society has affected legal and political consciousness of the population. Also, comprehensive protec-

tion of citizen rights and freedom becomes the prior task for the Russian Federation.

Keywords: legal culture, civil society, legal education

Опыт отечественной и зарубежной литературы показывает, что понятие правовой культуры исследовано довольно слабо. Большинство публикаций носит описательный характер, а не аналитический. Однако важное значение для людей имеют культурно-правовые ценности. Именно с конкретных преобразований в правовой культуре начинается выход из кризиса, который объективно присущ процессу перехода одной социальной системы к другой.

Общие проблемы формирования правовой культуры, вопросы правового воспитания и юридического образования в настоящее время активно обсуждаются на страницах периодических юридических изданий. Среди исследователей данного вопроса следует назвать Е.А. Певцову, М.Н. Марченко, С.А. Морозова, Т.В. Кашанину, М.К. Горбатову, А.В. Петрова и др.

В России формирование правовой культуры идет не теми темпами, какими бы хотелось для формирования правового государства с развитым гражданским обществом. Вызвано это тем, что современная Россия находится на переходном этапе своего развития и вызвано это тем, что в конце 90-х годов XX в. рухнула система ценностей¹. А многочисленные кризисы на мировой арене не позволяют уделять первостепенное внимание правовому воспитанию и правовой культуре, так как на первое место выходят проблемы жизненно важного плана.

Системный кризис российского общества сказался на правовом и политическом сознании россиян. Происходит трансформация сознания людей, меняются их убеждения, ценности, установки. Важно отметить, что эффективность политического правового сознания зависит, прежде всего, от конкретной исторической ситуации. Демократическая правовая система для сегодняшней России – это идеал. При низком уровне правового сознания, правовом нигилизме граждан да-

¹ Торин А.И. Игра в историю и её последствия на поствизантийском пространстве конца XX начала XXI в. // Вестник славянских культур. № 3–4. Т. X. 2008.

же самые смелые реформы, даже самое современное законодательство может ожидать неудача¹.

Особую озабоченность вызывает распространение таких явлений в молодежной среде. С целью повышения юридических знаний сегодня во многих школах существуют специализированные юридические классы. В стране имеется огромное количество юридических вузов. Кроме этого, средства массовой информации активно занимаются правовым просвещением. Существует множество общественных организаций, занимающихся предоставлением юридических услуг населению и правовым просвещением.

С принятием Концепции модернизации образования право отнесено к числу приоритетных дисциплин, обеспечивающих социализацию учащихся, формирующих основы правовой компетентности, необходимой для жизни в современном обществе. Однако правовое воспитание нельзя сводить только к правовой информированности. Это сложный процесс, связанный с осознанием прав и свобод человека и гражданина, положений основных действующих законов. Важно ознакомление граждан с образцами и идеалами, правовым опытом и традициями тех стран, где уровень правовой защищенности личности, а следовательно, и уровень правовой культуры находится на высоком уровне².

Таким образом, правовое воспитание есть планомерный, управляемый, организованный, систематический и целенаправленный процесс воздействия на сознание, психологию граждан Российской Федерации всей совокупности многообразных правовоспитательных форм, средств и методов, имеющихся в арсенале современной правовой деятельности, с целью формирования в их правосознании глубоких и устойчивых правовых знаний, убеждений, потребностей, ценностей, привычек правомерного поведения³.

¹ Melnikov Victor Y. Human rights and freedom in the modern state / Мельников В.Ю. Права человека и его свободы в современном мире, 2015.

² Комплексные исследования по оценке результатов выполнения проектов ФЦПРО в 2008 году. Ч. II / [Ганеев А.Р. и др.]. – М.: АС-Траст, 2009. 224 с. Библиотека СОК (современные образовательные концепции).

³ Общая теория права. Курс лекций / Под общ. ред. проф. В. К. Бабаева. – Н.Новгород, 1993. С. 488.

Отсутствие правовой информации и пропаганды прямо отражается на уровне правовой культуры, являющейся одним из условий в профилактике правонарушений и сохранении правопорядка в стране. Хотелось бы отметить, что ориентация на активное правомерное поведение формируется сегодня лишь у незначительной части населения¹. И изменить баланс общественного мнения способны лишь тщательно продуманные меры, организация системной правовой пропаганды в средствах массовой информации, разработка и внедрение действенных форм вовлечения граждан в правотворческую и правоохранительную деятельность.

Особое место здесь занимает проблема «правового минимума» – некоего обязательного уровня знания права, которым должен обладать каждый гражданин независимо от его социального статуса. Однако уровень этой работы не отвечает современному этапу развития нашего общества. Государственные органы, призванные решать эту проблему, действуют разобщенно. В эту деятельность слабо вовлекаются общественные объединения. Происходит естественное разрушение системы правового воспитания, созданной в предшествующий период. В настоящее время практически не ведется последовательная пропаганда действующего законодательства. Проводимые отдельные правовоспитательные мероприятия осуществляются бессистемно, без учета состояния законности и правопорядка, а также потребности населения в тех или иных юридических знаниях².

Между тем исторический опыт подтверждает, что сегодня процветают в мире те государства, где политическая власть в качестве своей первой задачи ставит не собственные интересы, а всестороннюю защиту прав и свобод своих граждан, создание им условий для проявления ими своих способностей и дарований. В тех государствах, где возвышаются некие общественные, государственные интересы, а интересы личности подчиняются этим общественным интересам и ограничи-

¹ Щедрин А. С. Правовое воспитание и формирование позитивного правосознания у граждан пореформенной России / Общество и право. 2008, № 3.

² Чикеева З.Ч.. Теория государства и права: Учебное пособие. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011. 249 с.

ваются, появляются тоталитарные государства и в конечном счете в таком государстве жизнь превращается для людей в ад¹.

Российская Федерация в целом, как единое федеративное государство, должна, наконец-то, стать в ряды цивилизованных стран, где на высоком уровне уважаются и гарантируются самые широкие права и свободы граждан.

Разговоров Д.Н.,

аспирант Международного юридического института

Razgovorov D.N.

postgraduate student of the International Law Institute

Научные, философские, правовые знания – основа интеллектуального развития молодежи

Scientific, philosophical, legal knowledge are the basis of intellectual development of young people

Аннотация. Воспитание свободно мыслящей, независимой личности, избавленной от чувства покорности и нерешительности – одна из актуальных проблем сегодняшнего дня. Только человек, интеллектуально развитый, способный активно жить и творить, имеющий высокую культуру самостоятельного мышления способен внести вклад в экономический, духовный и интеллектуальный прогресс. Развитие в молодежной среде всех этих качеств и является приоритетной задачей государства.

Ключевые слова: образование, знания, развитие.

Annotation. The education for young people is one of most pressing issues today. Only a person with intellectual developments, who have an active lives and work, high culture of thinking can able to give an important contribution in the development of economic, religious and intellectual progress. The government priorities is a developing all these qualities for young people.

¹ Раянов Ф.М. Проблемы теории государства и права (Юриспруденции): Учебный курс. – М.: Право и государство, 2003. – 304 с.

Keywords: education, knowledge, development.

В формировании личности одну из основных ролей играет институт образования, который должен соответствовать требованиям сегодняшнего дня и иметь четко сформулированные задачи, которые являются приоритетными для интеллектуального развития молодежи. Вопросы образования, особенно актуальны сегодня, когда наша страна активно выступает на международной арене и претендует на роль одной из ведущих мировых держав, с мнением которой необходимо считаться. Для дальнейшего развития экономики, укрепления обороноспособности, развития наукоемких и высокотехнологичных производств необходимо изменить психологию, доминировавшую в нашем обществе в предыдущие годы. А именно, повышение статусности ученых, преподавателей, вложение средств и сил в воспитание нового поколения независимых, способных предлагать свои решения, отстаивать их, умеющих мыслить и применять все накопленное человеческим знанием. На совещании в Краснодаре, посвященном вопросам духовного и патриотического воспитания молодежи, в сентябре 2012 г., Владимир Путин заявил: «От того, как мы воспитываем молодежь, зависит, сможет ли Россия сберечь и приумножить себя саму. Сможет ли она быть современной, перспективной, эффективно развивающейся, но в то же время сможет ли не растерять себя как нацию, не утратить свою самобытность в очень непростой современной обстановке». Поэтому вопрос интеллектуального развития в молодежной среде, а так же какие знания являются базовыми для выполнения этой задачи, сегодня выходит на первый план и является приоритетным вопросом внутренней политики государства.

XXI в. – это век информации и высоких технологий, но нельзя забывать и про духовную составляющую. Любой мыслящий человек задавал себе вопросы мировоззренческого характера такие как, что он собой представляет, что умеет и чего не умеет, каков его потенциал. Такое познание себя – первая ступень процесса личностного становления и формирования качеств, необходимых для дальнейшего развития.

В процессе интеллектуального развития формируется умение мыслить, что является важнейшей стороной в подготовке подрастающих поколений. Каждое последующее время отличается от предыдущего постановкой перед человечеством новых более сложных задач, решение которых невозможно без глубокого изучения предмета. Поэтому

вполне естественно, что XXI в. ставит эти задачи во всех областях: в технике, медицине, охране окружающей среды, педагогике, этот список можно продолжать, но ясно одно – для их успешного решения необходимо создать максимально комфортные условия для обучения молодежи. К сожалению, в России такие условия создаются недостаточными темпами, с каждым годом число молодежи идущей в науку сокращается, что приводит к старению кадров и уменьшению количества исследователей. По официальным данным Федеральной службы государственной статистики на 24.09.2015 г., численность исследователей по сравнению с 2007 г. сократилась более чем на 4,8% человек. Особенно это заметно в технических, медицинских, сельскохозяйственных и естественных науках (таблица 1).

Таблица 1

Численность исследователей по областям науки по Российской Федерации (данные Федеральной службы государственной статистики на 24.09.2015)

Год	Число исследователей	Естественные науки	Технические науки	Медицинские науки	С/х науки
2007	392849	94668	244475	16734	13743
2014	373905	88370	226682	15714	11869

Количество аспирантов, т.е. людей, стремящихся повышать свои научные знания, также сокращается, особенно в возрастной группе до 22 лет. Всего по сравнению с 2010 г. общее количество сократилось на 37569 человек, что составляет почти 24% (таблица 2).

Таблица 2

Распределение численности аспирантов по возрастным группам (данные Федеральной службы государственной статистики на 31.08.2015)

Годы	2010	2014
По всей РФ	157437	119868
Возраст (лет)		
До 22-х включительно	19006	7310
25	21971	18397
30–34	10752	11689

Также сокращается число общеобразовательных учреждений, особенно в сельской местности, что является недопустимым, если наше общество хочет чтобы интеллектуальный уровень молодежи не зависел от места проживания (таблица 3).

Таблица 3

Число государственных и муниципальных общеобразовательных организаций (на начало учебного года; тысяч; данные Федеральной службы государственной статистики на 25.02.2015)

	2000/01	2005/06	2007/08	2010/11	2014/15
Число общеобразовательных организаций	68,1	62,5	57,3	50,1	44,1
в том числе:					
в городах	22,7	21,8	21,0	19,5	18,0
в сельской местности	45,4	40,7	36,3	30,6	26,1

Ту же картину мы видим и в высших образовательных учреждениях (таблица 4).

Таблица 4

Образовательные организации высшего образования (на начало учебного года; данные Федеральной службы государственной статистики на 25.02.2015)

Годы	Число образовательных организаций	Студентов тыс. человек	На 10000 человек приходилось студентов
2000/01	965	4741,4	324
2005/06	1068	7064,6	493
2010/11	1115	7049,8	493
2013/14	969	5646,7	393
2014/15	950	5209,0	

Приведенные цифры свидетельствуют о недостаточной работе государства в интеллектуальном развитии молодежи, а между тем благополучие страны, ее обороноспособность и процветание в XXI веке напрямую зависят от знаний, полученных в общеобразовательных учреждениях. Предметы, цели и задачи, поставленные при изучении той или иной предметной области, определяются Федеральным Государственным стандартом основного общего образования утвержденного приказом Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. В этом документе указывается, что «изучение предметной области «Естественно – научные предметы» должно обеспечить: формирование целостной научной картины мира; понимание возрастающей роли естественных наук и научных исследований в современном мире, постоянного процесса эволюции научного знания; овладение научным подходом к ре-

шению различных задач; овладение умениями формулировать гипотезы, конструировать, проводить эксперименты, оценивать полученные результаты»¹. От качества преподавания и выполнения поставленных целей и задач в изучаемом материале, зависит развитие собственных представлений учащихся о перспективах своего образования и будущей профессиональной деятельности, а также формирование основ культуры исследовательской и проектной деятельности. Для постоянного совершенствования своего умственного развития большое значение имеют уже полученные знания и, конечно, способность к мыслительным операциям, с помощью которых происходит усвоение знаний и оперирование ими. По мнению доктора психологических наук Натальи Александровны Менчинской, характерными чертами умственного развития являются: темп усвоения, гибкость мыслительного процесса, связь наглядных и отвлеченных компонентов мышления. Таким образом, интеллектуальное развитие невозможно без научных знаний.

XXI век ознаменовался борьбой за мировое лидерство и право диктовать свои правила на международной арене. Выиграть в этой идеологической войне, а это именно война, война за контроль над сознанием и управлением умами, можно только с помощью профессиональных, хорошо подготовленных специалистов. На том же совещании в Краснодаре Владимир Путин сказал: «Как показывает, в том числе и наш собственный исторический опыт – культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные «коды» – это сфера жесткой конкуренции, порой – объект открытого информационного противоборства и хорошо срежиссированных пропагандистских атак». Сейчас нашей стране требуется интеллектуальное осмысление и глубокий системный анализ происходящего. Для ответа на вызовы, бросаемые некоторыми представителями международного сообщества, необходимо изучение основ философии, без которых невозможно разработать концепцию развития общества XXI века. Кроме того, это поможет грамотно излагать свои мысли и участвовать в публичных интеллектуальных дискуссиях. Еще Аристотель сказал: «слово – самое сильное оружие человека».

¹ Приказ Минобрнауки России (в ред. Приказа Минобрнауки России от 29.12.2014 № 1644) от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении Федерального Государственного образовательного стандарта основного общего образования» // http://minobr.gov-murman.ru/files/Pr_1897.pdf

К сожалению, после революции 1917 г. в России признавалась только одна философия – марксистско-ленинская, и многие мыслители выслались из страны. Но, несмотря на это руководство СССР понимало всю важность философии в классовой и идеологической борьбе. ЦК КПСС проявлял постоянную заботу о повышении теоретического уровня философской науки. На XXIII съезде КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Разработка важных проблем экономики и политики, философии и социологии, истории и права, других общественных наук в тесной связи с практикой коммунистического строительства важнейшая задача советских ученых». Сегодняшняя молодежь имеет возможность изучать различные философские течения, разбираться с историческим генезисом ценностей и задумываться над остротой и актуальностью всевозможных смыслов. Вопросы патриотического воспитания молодежи являются одной из фундаментальных основ будущего страны. Новое поколение должно глубоко осознавать свою связь с Родиной, ее историей и культурой. Философия позволяет раскрывать смыслы, недоступные обыденному восприятию. Это вопросы глубокой духовной и интеллектуальной связи человека с бытием родной страны, родной культуры, родного языка. Молодежная политика, способная не навязать, а объяснить новым поколениям суть патриотизма, является для современной России сущностной необходимостью¹.

Формирование правосознания у молодежи и искоренение «правового нигилизма» в молодежной среде начинаются с преподавания основ права. Знание своих прав и обязанностей формируют у человека понимание того, что без их соблюдения невозможно нормальное функционирование в стране гражданских институтов. Экономический прогресс и как следствие этого рост благосостояния, стабильность государства, возможность реализовать себя может базироваться только на праве и правовых взаимоотношениях. Соблюдение правовых норм со стороны всех субъектов правовых взаимоотношений позволяет в полном объеме пользоваться своими гражданскими правами, выбирать способ самореализации в обществе, воспитывает чувство самоуважения и уважения к окружающим. Об исключительной значимости обеспечения соблюдения прав молодых граждан, осуществлении поддержки талантливой молодежи, равно как и профилактики правона-

¹ Философия в публичном пространстве современной России. – М.: Издательство ЛУМ, 2015. С. 50.

рушений среди несовершеннолетних¹ говорится в Указе Президента РФ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» от 16.09.1992 г. № 1075.

Изучение права должно начинаться со школьной скамьи. В общеобразовательных школах с седьмого класса на предмете «обществознание» начинается изучение основных законов, дается представления о личных правах граждан и необходимости соблюдения законодательства. Однако, несмотря на принимаемые меры по правовому воспитанию молодежи, этот процесс происходит недостаточными темпами. Как отмечает Юлия Сергеевна Фасс в своей диссертации на тему «Правовое поведение российской молодежи в трансформирующемся обществе», защищенной в 2014 г., «многие молодые люди слабо осведомлены об имеющихся полномочиях и правовой ответственности властей, о собственных правах и возможностях влияния на ситуацию в собственном доме, поселке, микрорайоне, городе»².

Тем не менее, надо отметить, что рост правосознания среди молодежи растет. Это происходит постепенно, с появлением нового поколения, не заставшего период полного отрицания законов в 90-х годах XX столетия. В автореферате к диссертации доктора юридических наук Певцовой Елены Александровны подчеркивается, что «социально-правовая активность школьников – один из элементов обеспечения правопорядка в государстве»³.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что XXI век – век высоких технологий, причем эти технологии применяются во всех отраслях человеческой жизни и деятельности. Для их разработки и внедрения необходимы научные знания. 11 октября 2015 г. в интервью с Соловьевым, Президент РФ В.В. Путин сказал: «Вот это импортозамещение, к которому нас подтолкнули партнеры, оно нам как нельзя на пользу идет. Поэтому здесь речь идет не о том, что

¹ Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» с изменениями и дополнениями от 12.04.1999 г.

² Фасс Ю.С. Правовое поведение российской молодежи в трансформирующемся обществе: социальные факторы формирования. Автореф. дис. 2014. С. 24.

³ Певцова Е.А. Проблемы формирования правового сознания учащейся молодежи: теоретико-правовые аспекты. Автореф. дис. 2006. С. 34.

мы создаем проблемы для своей экономики, наоборот, мы только выводим ее на новые высокотехнологичные рубежи». Свободный человек, живущий в свободной стране должен знать и соблюдать законодательство этой страны, а также знать, как защитить свои интересы и интересы окружающих. Именно поэтому основная задача страны, это воспитание высокоинтеллектуального молодого поколения, с закладкой фундамента в виде научных, философских и правовых знаний еще на этапе получения общего образования.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» с изменениями и дополнениями от 12.04.1999 г.
2. Приказ Минобрнауки России (в ред. Приказа Минобрнауки России от 29.12.2014 № 1644) от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении Федерального Государственного образовательного стандарта основного общего образования» // <http://www.minobr.gov-murman.ru/files>
3. Фасс Ю.С. Правовое поведение российской молодежи в трансформирующемся обществе: социальные факторы формирования: Автореф. дис. 2014.
4. Певцова Е.А. Проблемы формирования правового сознания учащейся молодежи: теоретико-правовые аспекты: Автореф. дис. 2006.
5. Философия в публичном пространстве современной России. М.: Изд-во ЛУМ, 2015.
6. Федеральная служба государственной статистики <http://www.gks.ru>

Родионова О.В.,

аспирант Международного юридического института
Rodionova O.V.,
postgraduate student of the International Law Institute

Факторы, влияющие на формы осуществления контрпропаганды Советского Союза в послевоенный период

Factors affecting forms of counter-propaganda of the Soviet Union in the postwar period

Аннотация. В статье обосновываются причины конструирования в СССР системы правовых средств осуществления контрпропаганды в послевоенный период.

Ключевые слова: контрпропаганда, идеология, правозащитная деятельность, «идеологический пессимизм», буржуазная идеология.

Annotation. In the article the reasons for the design in the Soviet Union the system of legal means of implementation of counter-propaganda in the postwar period.

Keywords: counter-propaganda, ideology, human rights activities, «ideological pessimism», bourgeois ideology.

Существует множество определений контрпропаганды. Контрпропаганда – это распространение каких-либо идей, воззрений в ответ на те, которые пропагандируются идеологическими противниками. Контрпропаганда – это борьба с идеологической пропагандой противника. Контрпропаганда – это одна из функций пропаганды и форм пропагандистской деятельности.

Контрпропаганда Советского Союза в отношении западной демократии имеет глубокие корни: еще в довоенный период сформировалась методика противостояния враждебной идеологии. В числе основных направлений осуществления контрпропаганды выделились:

1. Создание базовой сети политических периодических изданий, представлявших интересы правящей политической партии.

2. Определение объективно опасных с точки зрения производимого пропагандистского эффекта идеологически вредных оппонентов, эмигрантских изданий, политиков европейского зарубежья.

3. Внедрение советских пропагандистских сюжетов и, даже, проектов в информационные средства русского зарубежья и западные СМИ.

4. Создание привлекательного образа советской действительности в глазах западного обывателя.

5. «Рекрутирование» западных СМИ для показа достижений советского государства в различных областях жизнедеятельности¹.

После смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. идеологическая работа по противостоянию буржуазной идеологии велась разнопланово. Здесь, с одной стороны, следует брать во внимание внутреннюю политическую борьбу, с другой, поиск путей, направлений и, даже, идей для моделирования развития социалистического государства. Следует выделить и третий главный аспект: наличие реальных идеологических угроз извне.

Тем не менее, в послевоенный период сформировалась новая «композиция» реального идеологического противника в лице западной пропаганды.

Исследования показывают, что среди таких угроз выделяются: а) активизация западной пропаганды, направленной на дискредитацию советской политической системы и ее достижений; б) правозащитная деятельность, в рамках которой формируется целый ряд независимых от государства организаций: Инициативная группа защиты прав человека (май 1969 г.), Комитет прав человека (1970 г.), Московская и республиканские группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (начиная с 1976 г.); в) рост националистических настроений в республиках; г) реваншистские настроения в прибалтийских республиках, спровоцированное идеей «жить по старому»; д) у некоторых народов Средней Азии образом жизни способом мировоззрения оставался ислам; е) идеологи ФРГ стимулировали переселение советских граждан немецкой национальности за границу; ж) усилению «идеологического пессимизма» способствовало отсутствие как четкой экономической стратегии, которая была видна в довоенные годы, так и перспективных политических и социально ориенти-

¹ См.: Михалев Н.М. Журналистика русского зарубежья и становление советской контрпропаганды (1920–30-е гг.). Дис. ... канд. филол. наук.

рованных позиций советского руководства. Действительно, некоторые из них можно признать не только не продуманными, но и вредными. Так, в 1961 г. Н.С. Хрущев публично заявил, что через двадцать лет советский человек будет жить при коммунизме. Подобные заявления были ничем не обоснованы и наносили вред всякому идеологическому воспитанию.

Анализ источников показывает, что наиболее системно велась «борьба с буржуазной идеологией» велась в сложное время позднего застоя. Здесь можно выделить особый отрезок истории, в рамках которого контрпропаганда переживала некий ренессанс. Это связано с целым рядом «угроз», которые непосредственно сформировались благодаря появлению настоящей «идеологической агрессии» со стороны западных государств, которые стали целенаправленно финансировать антисоветскую пропаганду. Борьбе с буржуазной идеологией был посвящен Пленум ЦК КПСС, который проходил 14–15 июня 1983 г. На нем по докладу члена Политбюро ЦК КПСС К.У. Черненко было принято Постановление ЦК КПСС «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии»¹.

Однако систематизированное конструирование контрпропаганды осуществлялось в рамках военной организации – Вооруженных сил СССР благодаря Д.А. Волгогонову. В 1979–1984 гг. он возглавлял управление спецпропаганды («психологической войны»). В 1984–1988 гг. являлся заместителем начальника Главного политического управления СА и ВМФ. Его авторству принадлежит ряд изданий, которые непосредственно распространялись в армейской среде и предназначались для проведения политических занятий, информации с офицерским составом². В 1982 г. он утверждал, что «психологическая война, которую ведут против социализма реакционные империалистические круги, является не чем иным, как признаком классовой патологии, духов-

¹ См.: Материалы пленума Центрального комитета КПСС 14–15 июня 1983 года. – М.: Политиздат, 1984.

² Идеологическая борьба и коммунистическое воспитание. – М.: Знание, 1976. Методология идейного воспитания. – М., Воениздат, 1980; Идеология – важнейший фронт классовой борьбы. – М.: Знание, 1982; Борьба идей и воспитание молодежи. – М., 1983; Психологическая война. Подрывные действия империализма в области общественного сознания. – М.: Воениздат, 1983. 2-е изд. – 1984; Оружие истины. Критика буржуазной идеологии и ревизионизма. – М.: Политиздат, 1987.

ного вырождения тех, кто боится социального прогресса, ежится под ветром революционных изменений, происходящих на планете. Анализ материалов и документов, составляемых на кухне психологической войны, а также те практические акции, которые осуществляются духовными диверсантами против социализма, позволяют судить об их долгосрочных стратегических намерениях»¹.

Характерно, что упор в логике автора делался на анализ реалий: «Империалистические спецслужбы, диверсионные центры психологической войны главный упор делают на перенесение центра тяжести подрывных действий непосредственно внутрь социалистических стран. Интенсификация психологических акций опирается на все более возрастающие технические возможности пропаганды, разведки, подрывных действий империалистических служб. Психологическая война против социализма носит все более дифференцированный, избирательный характер. При наличии широкого фронта идеологических, психологических акций классовый враг всегда стремится выбрать главное направление, уязвимые, с его точки зрения, пункты воздействия»².

«Венцом» следует считать редактируемый Волкогоновым труд под названием «Контрпропаганда: теория и практика» (1988 г.). Действительно, в числе авторов книги числятся видные ученые Советской Армии. В книге с позиций марксизма-ленинизма на основе накопленного опыта рассматриваются содержание, методы и формы контрпропагандистской работы в войсках, направленной на разоблачение пропагандистских кампаний, идеологических диверсий и акций психологической войны империализма. Подчеркивается, что умело поставленная контрпропаганда формирует у советских воинов высокую политическую бдительность, иммунитет и непримиримость к буржуазной идеологии.

К удивлению многих политологов и историков с наступлением эпохи перестройки и новых политических реалий Волкогонов резко отказался от своего «наследия», хотя в нем уже и не было необходимости. Это «перевоплощение» заметили сразу. Ж. Трофимов отмечал: «Справедливость требует отметить, что всему сочиненному Дмитрием

¹ Психологическая война. Подрывные действия империализма в области общественного сознания. – М.: Воениздат, 1983. С. 281.

² Психологическая война... С. 279–280.

Антоновичем присуще завидная эрудиция и страстная убежденность в коммунистических идеях. Ныне былой ведущий армейский пропагандист по существу отрекся от своего литературного наследства и превратился в оголтелого антикоммуниста»¹.

Библиографический список

1. Борьба идей и воспитание молодежи. – М., 1983.
2. Идеологическая борьба и коммунистическое воспитание. – М.: Знание, 1976.
3. Идеология – важнейший фронт классовой борьбы. – М.: Знание, 1982.
4. Материалы пленума Центрального комитета КПСС 14–15 июня 1983 года. – М.: Политиздат, 1984.
5. Методология идейного воспитания. – М.: Воениздат, 1980.
6. Михалев Н.М. Журналистика русского зарубежья и становление советской контрпропаганды (1920–30-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук
7. Оружие истины. Критика буржуазной идеологии и ревизионизма. – М., Политиздат, 1987.
8. Психологическая война. Подрывные действия империализма в области общественного сознания. – М.: Воениздат, 1983. 2-е изд. – 1984.
9. Трофимов Ж. Волкогоновский Ленин (критический анализ книги Д. Волкогонова «Ленин»). – М., 1997.

¹ Трофимов Ж. Волкогоновский Ленин (критический анализ книги Д. Волкогонова «Ленин»). – М., 1997.

Белякова О.В.,

аспирант Международного юридического института
Belyakova O.V.,
postgraduate student of the International Law Institute

Правовая среда как социальное образование

Legal environment as social education

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сущности понятия «правовая среда», его конструкции и соотношению с понятием «среда права».

Ключевые слова: правовая среда, правовая система, среда права, институциональная подсистема правовой среды, нормативная подсистема правовой среды, субъектная подсистема правовой среды, функциональная подсистема правовой среды.

Annotation. The article is devoted to consideration of essence of concept «the legal environment», its structure and correlation with the concept of «environment rights».

Keywords: legal environment, legal system, environment law, institutional legal environment subsystem, regulatory subsystem of the legal environment, subjective legal environment subsystem, functional subsystem of the legal environment.

Современные представления о соотношении правовой системы и правовой среды существенно зависят от понимания сравнительно новой научно обозначенной конструкции «правовая среда».

Профессор В.В. Лазарев подчеркивает: «Среда действия права есть социально-правовая обстановка, или социально-правовая среда, в которой действует право, протекает бытие его субъектов. Ее характеризуют разнообразные неюридические и специально-юридические явления, процессы и состояния как материального, так и идеального характера, которые оказывают опосредованное, но подчас определяющее влияние на действие права, его характер, силу, результативность, социальную ценность. Это и объективные условия стихийного правообразования, специальная деятельность по принятию законов и их

осуществлению, и субъективные обстоятельства правовой жизни людей – их правовые взгляды, представления, позиции, установки, характер правового мышления, правовая культура населения и должностных лиц, социально-правовая атмосфера общества и правовая политика государства, определяющая стратегию и тактику правового развития, и т.д.»¹. Авторы Концепции инновационного развития правовой среды Н.А. Жильцов, О.И. Чердаков, Н.Н. Черногор полагают, что «правовая среда – это совокупность отношений, юридических связей, правовых доктрин и идей, правоприменительной практики, создающих предпосылки для правового поведения субъектов в соответствующей социальной системе, функционирующей в пределах государственной территории в конкретный исторический период ее развития»².

Правовая среда представляется как некое пространство, своеобразный «объем», в рамках которого во времени и по кругу лиц право формируется и реализуется в различных формах. Среда, в рамках которой осуществляется генезис права сообразно с политическими, экономическими, идеологическими, национальными и, собственно социальными изменениями представляет собой сложное образование.

Анализ источников показывает, что структурно правовая система состоит из ряда подсистем.

Институциональная подсистема правовой среды, по нашему мнению, включает весь спектр правовых средств, которые определяют «стиль» правового регулирования.

Представляется, что нормативную подсистему правовой среды образуют нормы права, связанные системно между собой и непосредственно выполняющие свою функциональную роль.

Субъектную подсистему образует весь спектр, как субъектов правотворчества, так и всех «потребителей» права. Центральное место здесь принадлежит социальным образованиям. Справедливо утверждается, что «правовая среда представляет собой системное образование, центральным элементом которого выступает человек, его социально-правовая активность, направленная на восприятие, осуществление и воспроизводство правовых установлений». При этом «система общественных связей и отношений, отражающая взаимодействие лю-

¹ Лазарев В.В. Общая теория права и государства / bibliotek_Buks

² Жильцов Н.А., Чердаков О.И., Черногор Н.Н. Концепции инновационного развития правовой среды. URL:<http://www.lawacademy.ru/docs/>

дей в сфере общественной жизни, очерченной правом, есть главное, необходимое и существенное в понимании правовой среды. Правовая среда в этом смысле есть развертывающийся в пространстве и во времени процесс движения правовых связей и отношений характеризующий в своем единстве правовую жизнь общества»¹.

Немаловажную роль в конструировании правовой среды играет функциональная подсистема. По мнению исследователей, она «охватывает систему правовой коммуникации и правовых ценностей, юридическую практику, правовые состояния (состояние законности и правопорядка, организованности и дисциплины в обществе, состояния правовой культуры и правовой активности граждан и должностных лиц государства, состояние социально-правового климата общества, правовой зрелости и сплоченности социальных субъектов — правовую атмосферу); систему идеологического правового воздействия и государственно-правового обеспечения в сфере действия права»².

Исследование проблемы показывает, что наряду с понятием «правовая среда» в научной литературе используется категория «среда права». Считается, что эта категория в настоящий момент не является часто упоминаемой, а сама категория воспринимается как некое онтологическое измерение права. Здесь среда права, с одной стороны, характеризуется полифонией правовой жизни, как в историческом развитии, так и в географическом разнообразии, как в индивидуальной неповторимости, так и в целостной универсализированности. А с другой, среда права понимается в первую очередь в философско-правовом смысле, ибо ее назначение – показать, что постижение существа права невозможно вне контекста постижения как можно более широкого пласта социальной действительности, в которой право существует³.

Представляется, что категории «правовая среда» и «среда права» не следует рассматривать как синонимы.

¹ Правкин С.А. Актуальные проблемы юридической науки. <http://reftrend.ru/>

² Там же.

³ См.: Сигалов К.Е. Методологические принципы познания среды права/
jsticermaker.ru

Библиографический список

1. Жильцов Н.А., Чердаков О.И., Черногор Н.Н. Концепции инновационного развития правовой среды. URL:<http://www.lawacademy.ru>
2. Лазарев В.В. Общая теория права и государства / bibliotek_Buks
3. Марченко М.Н. Теория государства и права. – М., 2010.
4. Правкин С.А. Актуальные проблемы юридической науки / <http://reftrend.ru/>
5. Радугин А.А., Радугина О.А. Философия науки: общие проблемы: Учебное пособие. – М.: Библионика, 2010.
6. Сигалов К.Е. Методологические принципы познания среды права / jsticermaker.ru
7. Сигалов К.Е. Среда права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 2010.
8. Толстик В.А., Дворников Н.Л., Каргин К.В. Системное толкование норм права. – М.: Юриспруденция, 2010.
9. Философия и методология науки / Под ред. В.И. Купцова. Ч. 1. – М.: Аргус, 2010.

Гафуров Я.М.,

аспирант кафедры теории и истории государства и права
Международного юридического института

Gafurov Y.M.,

post-graduate student, Chair of theory and history of State and
law Educational private institutions of higher education,
International Institute of law

О реформах правоохранительной системы в правовой среде современной России: мнимых и истинных

On reforms of law enforcement in modern Russia Wednesday legal imaginary and real

Аннотация. В статье предлагается авторский анализ общественной инициативы, изложенной в концепции реформирования правоохранительной системы, разработанной в стенах Санкт-Петербургского Института проблем правоприменения.

Ключевые слова: правоприменительная практика, российская полиция, системные проблемы в МВД, ФСКН, ОБЭП, реформа прокуратуры и Следственного комитета, система оценки и контроля деятельности полиции.

Annotation. In this article the author proposes an analysis of the public initiative set out in the concept of reforming the law enforcement system, developed in the walls of the St.-Petersburg Institute of problems of enforcement.

Keywords: practice, Russian police, systemic problems in the Interior Ministry, the FEDERAL DRUG CONTROL SERVICE, FINAL, reform of the public prosecutor's Office and the investigative Committee, the system of evaluation and monitoring of police activities.

Можно констатировать, что в последние годы усилия, направленные на реформу правоохранительной системы не дали положительных результатов, о чем неоднократно говорилось в отечественных и зарубежных средствах массовой информации. В обществе появились реформаторские инициативы, направленные на комплексное изменение правоохранительной системы России.

Среди спорных общественных инициатив можно назвать концепцию, разработанную в стенах Санкт-Петербургского института проблем правоприменения при участии правозащитного Комитета гражданских инициатив, учрежденного бывшим министром финансов А. Кудриным.

Изучив статистические данные, результаты правоприменительной практики, социологических опросов сотрудников полиции, судей и адвокатов авторы концепции пришли к выводу о недопустимости применения термина «правоохранительная система» в современной России, так как законопослушные граждане полицию боятся больше чем преступников. «В современной России работа полиции и других правоохранительных органов сопровождается таким количеством отрицательных побочных эффектов, что опасность для граждан, связанная с повседневной работой правоохранительной системы, сравнима по масштабам с опасностью, порождаемой преступностью, с которой эта система призвана бороться»¹.

¹ Радикальная реформа правоохранительной системы в России. URL: <http://newsland.com/news/> (дата обращения: 2.06. 2015).

Согласно исследованиям группы «Евробарометр в России» 51% граждан ожидает от полиции незаконных действий в свой адрес. В крупных городах с населением от 500 тысяч человек такие ожидания зафиксированы у 66,5% опрошенных. Больше всего жители страны боятся неправомерного задержания, вымогательств, оскорблений. Каждый пятый опрошенный боится физического насилия со стороны полицейских, в крупных городах этот показатель вырастает до 35%¹. Эти данные не коррелируют с опросами основных социологических служб, которые считают, что полицейским доверяют 45–50% населения.

На современном этапе численность полицейских в России примерно составляет 547 полицейских на сто тысяч человек населения, тогда как в странах Европы на сто тысяч граждан их не больше 450. По данным авторов концепции расходы на одного полицейского в России составляют 20,4 тыс. долларов в год (сюда входит не только зарплата, но и средства, выделяемые на служебные помещения, автомобили, оргтехнику и иные затраты). Это даже меньше, чем в Болгарии (25,3 тысячи долларов в год), или во Франции (74,2 тыс. долларов). В Эстонии сумма на содержание полицейских составляет (80,2 тыс. долларов). Больше всех в Европе обеспечены норвежские полицейские, на одного сотрудника полиции из бюджета выделяется примерно 247,2 тыс. долларов в год.

По утверждению разработчиков концепции, в случае принятия их предложений, расходы на содержание российской полиции увеличатся примерно в два раза, до 40 тыс. долларов в год, причем без привлечения дополнительных средств.

Авторы концепции указали на системные проблемы в МВД. По их мнению, острые управленческие вопросы касаются пяти позиций. Первая, связана с избыточной централизацией в управлении. Вторая, включает вертикальное иерархическое управление, не стимулирующее инициативу на местах. Третья, определена множеством параллельных вертикалей управления. Четвертая, зависит от «палочной» системы учета эффективности работы. Пятая, порождена отсутствием внешнего контроля над деятельностью полиции. Для исключения названных противоречий авторы концепции предложили ликвидировать МВД и ФСКН, провести реформу прокуратуры и Следственного комитета.

¹ URL: <http://newsland.com/news/> (дата обращения: 16.05.2015).

Вместо них на базе МВД, СК и ФСКН реформаторы рекомендовали создать трехуровневую муниципальную, региональную и федеральную полицию. По их мнению, названные уровни начнут действовать в одном правовом поле, но автономно друг от друга. Главное – уйдет вертикальное подчинение. Данные подразделения будут подотчетны местным властям и общественным организациям, чья роль существенно возрастет. Муниципальная полиция сконцентрируется на охране общественного порядка, профилактике преступлений и регистрации правонарушений. Серьезные дела перейдут под юрисдикцию региональной или федеральной полиции. Региональная полиция, по замыслу авторов, должна взять на себя преступления средней тяжести, охрану зданий органов власти и регулирование дорожного движения. В компетенции федеральной полиции останутся тяжкие и особо тяжкие преступления на всей территории России, борьба с международной и организованной преступностью, другие федеральные функции. Муниципальная полиция останется подотчетной городским властям, региональная – субъектам федерации, федеральная – первым лицам государства.

Дополнительно к трехуровневой полиции авторы реформы предлагали создать два федеральных органа – по борьбе с должностными преступлениями (независимую службу собственной безопасности, подотчетную лишь Госдуме) и службу по сбору и анализу криминальной статистики. Отдельно предлагалось создать орган по борьбе с коррупцией, не зависящий от исполнительной власти и связанный с правозащитными организациями¹.

Авторы концепции также считали возможным модернизировать военизированную охрану – сделать ее рыночным предприятием, акционером которого могло выступать не только государство, но и частные лица.

В существовании ФСКН реформаторы не усматривали целесообразности, так как из 215 тыс. преступлений, связанных с наркотиками, в 2011 году эта служба расследовала только 84 тыс., остальные преступления раскрывали структуры МВД. Поэтому названную службу они хотели упразднить.

Неприятие у реформаторов вызывала структура, осуществляющая борьбу с экономическими преступлениями. «Практика показывает,

¹ URL: <http://newsland.com/news/>

что возбуждение уголовных дел в сфере экономики без заявления потерпевшего стало ключевым механизмом коррупционной активности сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями. Ущерб, который наносится экономике такой «борьбой», превышает тот ущерб, который наносится такой преступностью»¹. По их мнению функции ОБЭП безболезненно можно передать в Счетную палату, Росфинмониторинг, налоговые службы и Росфиннадзор.

Внутренние войска предлагалось переподчинить Министерству обороны, так как в МВД они введены искусственно. Как вариант, предлагалось также из внутренних войск сделать национальную гвардию, подотчетную Президенту.

Вновь созданную полицию предлагалось избавить от работы с несовершеннолетними и передать трудных подростков в органы опеки.

Особое значение в концепции придавалось системе оценки и контроля деятельности полиции. Предлагалось кардинально изменить систему регистрации сообщений о преступлениях, сократить число оценочных показателей. Количество прекращенных дел или оправдательных приговоров не будет негативно влиять на оценку деятельности правоохранительных органов.

По замыслу авторов концепции реформы, численность полицейских в России снизится до показателей стран Восточной и Центральной Европы. Деятельность полиции останется под контролем общественности. «Палочная» система оценки эффективности деятельности полиции уйдет в прошлое, вместо нее появится дифференцированная оценка по видам деятельности. Полиция станет более управляемой, подотчетной, дружелюбной и менее коррупционной. Кроме того, исчезнет ее негативное влияние на бизнес и инвестиционный климат.

По нашему мнению, данный проект концепции имеет массу слабых моментов несмотря на то, что его разрабатывали специалисты.

Во-первых, децентрализация управления полицией не способствует росту качества ее работы, и, самое главное, не повысит раскрываемость преступлений. Передача управления местным властям и общественным организациям не улучшит эффективность работы полицейских. Практика показывает, что вмешательство чиновников в деятельность силовых структур и судебной системы порождает произвол. А общественный контроль над их деятельностью всего лишь иллюзия.

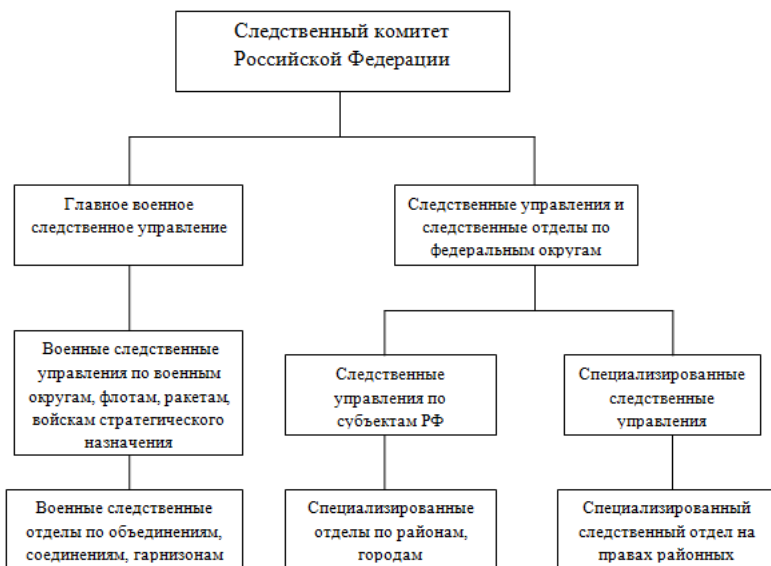
¹ <http://newsland.com/news/>

Трехуровневая полиция – это не шаг вперед, а скорее движение на месте. В нынешних условиях более актуальным является проект создания централизованной, высокотехнологичной полиции, обеспеченной современной техникой и методикой раскрытия преступлений. В XXI веке всякая автономизация силовых структур приведет лишь к торможению развития правовой среды. Универсальные базы данных, способность к быстрой мобилизации сил для решения правоохранительных задач – это перспектива развития полиции.

Вторая иллюзия определена идеей создания федерального органа по борьбе с должностными преступлениями (независимой службой собственной безопасности), подотчетной Госдуме. Статья 103 Конституции Российской Федерации определяет компетенцию Государственной Думы, связанную с её законодательной функцией. В нынешней редакции Конституции компетенция Государственной Думы существенно изменилась. В ней отсутствуют статьи, закрепляющие «полновластие» представительных органов власти, аннулировано право вмешательства в деятельность нижестоящих органов власти, исчезли нормы, устанавливающие подотчетность и подконтрольность исполнительных органов власти. Все эти изменения связаны с новой моделью федерализма, новым пониманием разделения властей, реализованным в действующей Конституции Российской Федерации.

Создание федерального органа по борьбе с должностными преступлениями и подчинение его Государственной Думе – это попытка придания законодательному органу несвойственных ему функций и изменения Конституции РФ. Мера, по нашему мнению, совершенно несвоевременная и чрезвычайная.

Третье, предложение по упразднению Следственного комитета – это предложение из разряда авантюрных проектов. Система единого органа Следственного комитета Российской Федерации (СКР) позволила свести воедино различные структурные элементы следствия (см. схему).

Эта структура в нынешних условиях наиболее жизнеспособна, хотя и требует определенной технической и управленческой модернизации с учетом развития новых технологий и методик в раскрытия преступлений.

Подводя итог процесса реформирования российской правовой среды в постсоветский период, можно сделать несколько выводов.

Первое, на каждом этапе реформирования правовой среды, начиная с упразднения СССР в 1991 г., перед реформаторами стояли разноплановые задачи, решение которых не способствовало становлению и укреплению её различных элементов – правоохранительной, судебной систем, законодательства, правовой идеологии и иных структур, обеспечивающих юридическую защиту населения.

Второе, реформирование правовой среды в России после 1991 г. имело свою специфику, связанную с внешними и внутренними объективными и субъективными причинами. К объективным внутренним причинам можно отнести замену одного социально-экономического уклада – социалистического, другим – рыночной экономикой. К объективным внешним причинам – воздействие процессов глобализации, которые проявлялись в дестабилизации правовой системы российского государства, в стремлении западных государств ослабить Россию на экономическом, политическом, социальном уровнях.

К субъективным причинам относится группа условий, сложившихся в государстве: отсутствие преемственности в формировании и реализации правоохранительной политики; нежелание руководителей субъектов федерации, всячески саботирующих позитивные начинания в сфере правоохранительной деятельности, следовать реформационному курсу; непродуманность некоторых реформ; неприятие мнения гражданского общества по поводу реализации отдельных инициатив на федеральном уровне и т.д.

Третье, каждый из реформаторов во многом зависел от политической ситуации, сложившейся в стране и, в свою очередь, не мог в полном объеме и комплексно провести полномасштабную реформу основных элементов правовой среды. Так, судебно-правовая реформа привела к конфронтации с прокуратурой и не решила главного – создания современной, лишенной советских рудиментов, судебной системы. А трансформация милиции в полицию не повлияла на качество функционирования последней и не снизила коррупции в ее рядах.

Четвертое, самым слабым звеном в цепи реформ стала реформа судебной системы (объединение Верховного и Высшего арбитражного судов РФ). При всей её внешней привлекательности нет ясности в вопросах юрисдикции. Возникает потребность в совершенствовании законодательства, регулирующего вопросы судоустройства и работы судов.

Пятое, практика реформирования правовой среды в постсоветский период показала, что ее изменения возможны как «сверху» – при активном воздействии государства, так и «снизу» – а) по инициативе граждан, заинтересованных в формировании фундамента гражданского общества, б) по инициативе негативно настроенных групп, проповедующих «правовой нигилизм» и бунтарское пренебрежение к установленным правовым нормам и правилам.

В первом случае государство может частично или полностью контролировать процесс изменения правовой среды посредством реформаторских установок. Во втором случае контроль со стороны государства минимальный, особенно когда в процессе воздействия на правовую среду задействованы деструктивные силы.

Шестое, в процессе реформ пропагандировались инновационные подходы и принципы, хотя реально ничего инновационного не происходило. Инновационная деятельность в правовой среде обеспечивает создание и реализацию значимых новшеств в области правового регу-

лирования общественных отношений, правового воспитания, юридического образования, правовой культуры, правовой идеологии и получение на их основе практических результатов, оказывающих позитивное воздействие на правовую среду и процессы ее модернизации.

Джаназян В.Г.,

аспирант кафедры теории и истории государства и права
Международного юридического института
Dzhanazyan V.H.,
graduate student of the Department of Theory
and History of State and Law

Деструктивное влияние идеологии террора на правовую семью мусульманского права

Destructive influence ideology of terror on legal family of Muslim law

Аннотация. В статье говорится о влиянии идеологии террора на исламскую религиозную правовую семью, которая проникает в её основу за счет ревизии религиозных постулатов традиционного ислама и глобальных политических процессов, связанных с переделом послевоенного мира.

Ключевые слова: идеологические концепты террористической направленности, идеология террора, кризис традиционного ислама, идеология террора как идеология справедливой борьбы бедных против богатых.

Annotation. The article talks about impact of terror ideology in Islamic religious legal family that delves into its Foundation due to audit religious postulates of traditional Islam and global political processes associated with the Division of the post-war world

Keywords: ideological concepts of a terrorist nature, the ideology of terror, the crisis of traditional Islam, the ideology of terror as the ideology of the just struggle of the poor against the rich.

Идеология террора, являясь деструктивным фактором, способна оказывать разрушительное воздействие на все составные части правовой системы, при этом последствия процесса могут иметь необратимый характер. Скепсис, равнодушие и неверие в позитивную перспективу – компоненты, на которых строятся основы данной идеологической доктрины.

Специфика современных идеологических концептов террористической направленности состоит в доступном для понимания большинством обывателей содержательном контенте и мощном сопровождении в интернет пространстве, через социальные сети, отдельные специализированные сайты, программы и сетевые игры. Заинтересованные провайдеры создают условия для их успешного продвижения в любой социальной среде. Самой уязвимой в этом аспекте является правовая среда, как часть правовой системы государства. Это объясняется несколькими причинами, одной из них является консервативность права. Оно в отличие от иных социальных норм менее подвижно и требует большого ресурса времени для создания правовых норм, направленных на урегулирование конкретных правоотношений. Право не успевает реагировать на вызовы, появляющиеся в социуме, в результате чего возникают неурегулированные противоречия, которые приводят к конфликтам. Особенно это касается интернет-среды.

Для современной идеологии террора характерна социально-политическая ориентированность на конкретных потребителей, желающих изменить свое существование любыми способами. У идеологов террора за счет глобальной паутины появился мощный инструментарий, позволяющий им относительно быстро воздействовать на психику и сознание различных слоев населения, ориентируясь на слабые места во внутренней социальной и правовой политике государства.

Особое воздействие идеология террора оказывает на правовые семьи религиозного права, в частности мусульманского права. В основу идеологической экспансии положена ревизия религиозных постулатов традиционного ислама. Основываясь на результатах своих исследований, Е.П. Ильин пришел к выводу, что «в настоящее время многими террористами для создания идеологической платформы своих дейст-

вий используется преимущественно идеология исламизма»¹. Некоторые современные богословы, исповедующие ислам в России констатируют «наличие кризиса традиционного ислама в войне за умы мусульманской молодежи. Молодежь, подрастающее поколение, сегодня становятся на путь радикального ислама. Сейчас с разных направлений наблюдаются попытки преуменьшить опасность этого процесса, придать ему рамки сугубо внутри религиозного конфликта»².

Принадлежность государства к религиозной правовой семье характеризуется признанием и обеспечением религиозных предписаний на уровне государственных регламентов. Именно этот факт делает особо опасным всяческое ревизионистское идеологическое воздействие на государство, в котором доминирует система религиозного права. Радикальные идеологические установки, привносимые в религиозное правосознание, способствуют не только его трансформации, но и изменению устоявшихся религиозных норм и правил бытия. В религиозных правовых семьях идеология террора оказывает массированное идейно-пропагандистское и морально-психологическое воздействие на население с целью его устрашения и деморализации сопротивления. В отдельных случаях идеология террора преподносится как защитная реакция на вызовы глобализации и экспансию западной цивилизации, как альтернативная модель развития мирового порядка.

Воздействие на религиозные правовые семьи с помощью идеологии террора сочетает в себе разнонаправленные мотивы, прежде всего стратегические и психологические. Достижение конечного результата террористы связывают с насильственным кардинальным или частичным изменением политического строя, экономического уклада и правовой системы государства, посредством замены светской власти на конфессиональную, с последующей трансформацией формы государственного устройства. Приветствуется создание самостоятельного государства или достижение частичных изменений в положении соответствующих социальных или религиозных образований. Иногда тер-

¹ Ильин Е.П. Организация противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2014. № 1. С. 32–47.

² Салман Ф. Традиционный ислам проиграл войну за умы мусульманской молодежи // Альманах «Искусство войны». [сайт]. URL <http://navoine.info/traditional-islam-lost.html> (дата обращения 26.05.2015).

пор преподносится как защита от распространения американского мирового порядка.

Часто идеологию террора подают как идеологию справедливой борьбы бедных против богатых. В религиозных правовых семьях этот концепт имеет определенный успех, так как посредством террористического давления создается иллюзия войны бедных против богатых за «справедливое устройство государства». Это вселяет веру в определенную социальную перспективу, несмотря на антигуманные способы её реализации.

В конце двадцатого века в исламском мире идеология терроризма рассматривалась как синоним идеологии панисламизма и религиозного фундаментализма. В начале третьего тысячелетия исламское возрождение связывают с «политизацией ислама», активизацией радикальных и экстремистских сил в мусульманском обществе.¹ Ислам преподносится как альтернативный проект глобализации, как ответ на вестернизацию, как противопоставление западной идеологии «общества потребления». Манипуляции с исламским самосознанием представляют собой попытки обосновать новый путь развития общества. Идеологи Запада пытаются представить исламских радикальных миссионеров как конкурентов по мировой глобализации.

У. Лакер в своей книге сделал вывод о том, что терроризм, мотивируемый религиозно-национальными побуждениями, никоим образом не является исключительным достоянием мусульман. Он есть среди христиан, евреев, индусов, в Японии, в других странах и группах. Но в настоящее время терроризм преимущественно распространен в странах, где ислам преобладает или сосуществует с другими религиями и традициями. Это относится к подавляющему большинству современных конфликтов: Филиппины, Сомали, Нигерия, Кашмир, Израиль, Македония, Алжир, Таджикистан, другие страны Центральной Азии... Даже в Западной Европе и США в некоторых мечетях и так называемых исламских культурных центрах проповедуется террористическое насилие, и это терпят во имя поощрения культурного многообразия².

¹ Семашко И.М. Современный исламский фундаментализм: «La revanche de dieu» или альтернативный проект глобализации? // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7. Филос. 2011. № 1 (13). С. 101.

² Lacqueur W. The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction. – N.Y.: Oxford univ. press, 1999. – VII, p. 23.

Лакер выделил основные позиции, способствующие развитию и реализации идей терроризма. И в частности, обозначил главный тезис о том, что «без помощи государств потенциал терроризма существенно сократится. Поэтому необходимо заняться государствами, покровительствующими террористам. Они должны постоянно находиться под наблюдением и под угрозой массированного возмездия. Сохраняет свою силу афоризм Цицерона: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись». В настоящее время террористы и их покровители не испытывают настоящего страха – не потому, что они такие храбрые, а потому, что живут в иллюзорном мире. Необходимо, чтобы они ясно осознали последствия своих действий»¹.

Большинство проблем, связанных с развитием идеологии террора возникло из-за геополитической борьбы, развернувшейся в глобальном мире. Противоречия, возникающие в общественных политических системах, привели к тому, что рядом с ними появилось «параллельное пространство», заполненное отрицательной энергией, направленной против всего человечества. Пока коммунисты разбирались с буржуазией, а капиталисты пытались разделить мир, общество попало под влияние идеологии террора.

Библиографический список

1. Ильин Е.П. Организация противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2014, № 1.
2. Салман Ф. Традиционный ислам проиграл войну за умы мусульманской молодежи // Альманах «Искусство войны».
3. Семашко И.М. Современный исламский фундаментализм: «La revanche de dieu» или альтернативный проект глобализации? // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7, Филос. 2011. № 1 (13)...
4. Lacqueur W. The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction. – N.Y.: Oxford univ. press, 1999.

¹ Лакер У. Десять тезисов о терроризме и борьбе с ним. Грани.Ru. //Вести. 26.09.2001. URL: <http://gazeta.rjews.net/laker> (дата обращения: 16.03.2016).

Попова О.В.,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
Международного юридического института

Москвитин И.В.,

аспирант Международного юридического института

Popova O. V.,

candidate of law.N., associate Professor
of the Department «Civil right»

Moskvitin V.I.

postgraduate student of the International Law Institute

Отдельные аспекты гражданско- правовых отношений страхования в сфере медицины в свете реализации права граждан на бесплатную медицинскую помощь

Certain aspects of civil-legal relations of insurance in the field of medicine in light of the implementation of the rights of citizens to free medical assistance

Аннотация. Страхование является гарантией восстановления нарушенных в результате непредвиденных случаев имущественных и неимущественных интересов граждан. Страхование осуществляется либо в обязательном порядке, либо добровольно, если сумма возможного ущерба от гибели или повреждения имущества или наступления ответственности не позволяет принимать эти риски на себя. В настоящее время особенно возрастает потребность в страховой защите таких личных нематериальных благ, как жизнь и здоровье, при этом добровольное страхование этих интересов, осуществляется крайне редко.

Ключевые слова: страхование, взаимное страхование, выгодоприобретатель, договор медицинского страхования, страховая медицинская организация, негосударственный пенсионный фонд, Медицинский кодекс Российской Федерации.

Annotation. Insurance is a guarantee of restoration of violated as a result of unforeseen cases the economic and moral interests of the citizens. Insurance is either compulsory or voluntarily, if the amount of possible damage from the loss of or damage to property or exposure to liability does not allow to take these risks. Currently, especially with the growing need for insurance protection of such personal intangible benefits like life and health, in this voluntary insurance to those interests, is extremely rare.

Keywords: insurance, mutual insurance, the beneficiary, the medical insurance agreement, medical insurance organization, pension Fund, Medical code of the Russian Federation

Актуальность темы исследования не вызывает сомнений. В настоящее время страхование занимает одну из важнейших ниш в экономике страны. Страхование является гарантией восстановления нарушенных в результате непредвиденных случаев имущественных и неимущественных интересов граждан. Важность страхования для государства заключается в том, что оно освобождает государственный бюджет от расходов и необходимости возмещения убытков в результате наступления страховых случаев и тем самым позитивно влияет на укрепление финансового положения государства.

Страхование, несмотря на достаточно длительное в исторических мерках существование, так и не стало неотъемлемой частью повседневной жизни в современных условиях нестабильности. А между тем, эффективно функционирующая и отработанная система страховых отношений обеспечивает защиту от социальных и экономических проблем, вероятность которых в настоящее время возрастает, но в значительной степени смягчает их остроту, и тем самым является одним из факторов снижения социальной напряженности.

Вопросы гражданско-правового регулирования медицинской деятельности приобретают все большую актуальность в связи с осуществлением медицинскими учреждениями хозяйственно-производственной деятельности.

Прежде всего, существенную роль в перемещении акцента в область гражданско-правовых отношений, возникающих между медицинскими учреждениями и другими субъектами по вопросам оказания медицинской помощи, сыграл процесс становления системы обязательного медицинского страхования (далее по тексту – ОМС). В настоящее время в основу правоотношений, возникающих в условиях

ОМС, положена система гражданско-правовых договоров, которые заключаются между субъектами медицинского страхования.

Под страхованием понимаются отношения по защите имущественных интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных событий (страховых случаев) путем возмещения убытков за счет денежных фондов, формируемых из оплачиваемых ими страховых взносов (страховых премий), а также за счет иных средств страховщиков¹.

Страхование осуществляется либо в обязательном порядке, либо добровольно, если сумма возможного ущерба от гибели или повреждения имущества или наступления ответственности не позволяет принимать эти риски на себя. В настоящее время особенно возрастает потребность в страховой защите таких личных нематериальных благ, как жизнь и здоровье, при этом добровольное страхование этих интересов, осуществляется крайне редко².

Участниками страховых правоотношений согласно Закону РФ «Об организации страхового дела в РФ», являются:

- 1) страхователи, застрахованные лица, выгодоприобретатели;
- 2) страховщики (страховые организации);
- 3) общества взаимного страхования;
- 4) страховые агенты;
- 5) страховые брокеры;
- 6) страховые актуарии;
- 7) федеральный орган исполнительной власти, к компетенции которого относится осуществление функций по контролю и надзору в сфере страховой деятельности (страхового дела);
- 8) объединения субъектов страхового дела, в том числе саморегулируемые организации.

Всех участников страховых отношений можно условно разделить на основных участников страхования и страховых посредников. К основным участникам страховых отношений относят: страховщиков, страхователей, застрахованных лиц и выгодоприобретателей, так как

¹ См.: Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации».

² См.: Авакян А.М. Гражданско-правовой договор личного страхования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – 23 с.

данные лица принимают непосредственное участие в договоре страхования и влияют на возникновение, изменение или прекращение страховых отношений.

К посредникам относятся: страховые агенты, страховые брокеры и страховые комиссары (страховые эксперты), деятельность которых в страховых отношениях носит вспомогательные характер, но именно от их работы зависит «качество» заключаемого договора страхования, точное определение наступления страхового случая, выплата или отказ в страховой выплате и другие факторы страхования¹.

Страховщики (страховые организации) – юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации для осуществления страхования, перестрахования, взаимного страхования и получившие лицензии в установленном законом порядке. Страховщики осуществляют оценку страхового риска, получают страховые премии (страховые взносы), формируют страховые резервы, инвестируют активы, определяют размер убытков или ущерба, производят страховые выплаты, осуществляют иные связанные с исполнением обязательств по договору страхования действия.

Страховщики вправе осуществлять или только страхование объектов личного страхования или только страхование объектов имущественного и личного страхования. Страховые организации, являющиеся дочерними обществами по отношению к иностранным инвесторам (основным организациям) либо имеющие долю иностранных инвесторов в своем уставном капитале более 49 %, не могут осуществлять в Российской Федерации страхование объектов личного страхования, обязательное страхование, обязательное государственное страхование, имущественное страхование, связанное с осуществлением поставок или выполнением подрядных работ для государственных нужд, а также страхование имущественных интересов государственных и муниципальных организаций.

Характерными чертами гражданско-правовых отношений являются:

- равенство сторон, выражающееся в наличии у них определенных прав и обязанностей по отношению друг к другу, а также обоюдной ответственности в случае неисполнения сторонами принятых на себя обязательств;

¹ См.: Шергунова Е.А. Гражданско-правовое положение основных участников страховых отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Курск, 2013. 29 с.

- регулирование отношений нормами законодательства, положениями заключенного договора, обычаями делового оборота;
- гражданско-правовая ответственность;
- рассмотрение споров в добровольном (досудебном) порядке либо в порядке гражданского (арбитражного) судопроизводства.

Страхователи – это юридические лица и дееспособные физические лица, заключившие со страховщиками договоры страхования либо являющиеся страхователями в силу закона.

Страхователь является второй ключевой фигурой в страховых отношениях, которая является наиболее слабой стороной договора страхования. Основная суть деятельности страхователя сводится к непосредственному заключению того или иного вида договора страхования, несению риска не наступления страхового случая и осуществлению страхового взноса в пределах страховой премии.

Выгодоприобретатель – это лицо, в пользу которого заключен договор страхования. Выгодоприобретателями могут являться физические или юридические лица.

Гражданское законодательство не дает однозначного толкования понятию «выгодоприобретатель». Из определения, которое дает п. 1 ст. 929 ГК РФ вытекает, что выгодоприобретатель – это иное, чем страхователь, лицо, в пользу которого заключен договор страхования. Этому лицу страховщик должен возместить причиненный страховым случаем убыток, выплатив страховое возмещение.

С позиций современного российского законодательства каких-либо ограничений по фигуре выгодоприобретателя не существует. В то же время в некоторых случаях есть ряд ограничений для данного участника страховых отношений. Так, в страховании от предпринимательских рисков выгодоприобретателем всегда может быть только страхователь и не кто иной. В страховании же гражданской ответственности выгодоприобретателем не может быть страхователь, в страховании жизни выгодоприобретателем не может быть застрахованное лицо.

Застрахованный – физическое лицо, жизнь, здоровье, трудоспособность которого выступает объектом страховой защиты (личное страхование).

Роль застрахованного лица наиболее ярко проявляется в личном страховании, причём данная роль не является пассивной и не исчерпывается только тем, что страховой случай связан с его жизнью и

(или) здоровьем. Ему принадлежит ряд правомочий, которые и делают его участником (субъектом) страхового правоотношения.

По общему правилу, договор личного страхования заключается в пользу самого застрахованного лица. Однако нередко встречаются случаи, когда договор личного страхования заключался в пользу иного лица, а не самого застрахованного лица, но только с согласия застрахованного лица. При отсутствии такого согласия договор может быть признан недействительным.

Фигура застрахованного лица есть и в имущественном страховании, а именно в страховании гражданской ответственности. Так, в соответствии с п. 1 ст. 931 ГК РФ по договору страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, может быть застрахован риск ответственности самого страхователя или иного лица, на которое такая ответственность может быть возложена. В то же время п. 1 ст. 955 ГК РФ упоминает лицо, чья ответственность застрахована по договору страхования ответственности, не являющееся страхователем. Таким образом, существуют все основания утверждать о том, что законодатель определяет такое лицо в договорах страхования ответственности именно как застрахованное лицо.

Взаимным страхованием является страхование имущественных интересов членов общества на взаимной основе путем объединения в обществе взаимного страхования необходимых для этого средств.¹ Взаимное страхование осуществляется обществом взаимного страхования. Правовое положение страховщиков отличается от правового положения обществ взаимного страхования. Особенности правового положения обществ взаимного страхования состоят в том, что права и обязанности, а также условия их деятельности определяются в соответствии с ГК РФ и Законом о взаимном страховании. Общества взаимного страхования осуществляют страхование исключительно своих членов, так как создаются на взаимной основе путем объединения в обществах взаимного страхования необходимых для этого средств, и при наступлении неблагоприятных ситуаций у кого-то из них выплачивают члену общества деньги. Общества взаимного страхования являются некоммерческими организациями. Осуществление обязатель-

¹ См.: Федеральный закон от 29.11.2007 № 286-ФЗ «О взаимном страховании» // Собрание законодательства РФ. 03.12.2007. № 49. Ст. 6047.

ного страхования путем взаимного страхования допускается в случаях, предусмотренных Законом о взаимном страховании.

Общество взаимного страхования может выступать в качестве страховщика только в тех случаях, если его страховая деятельность предусмотрена его уставом, общество образовано в форме некоммерческой организации, имеет лицензию на осуществление страхования соответствующего вида и отвечает другим требованиям, установленным Законом об организации страхового дела.

Фонды являются некоммерческими организациями, которые преследуют иные не связанные с извлечением прибыли цели.

К фондам, наделённым функциями страховщика относят:

- фонды пенсионного страхования,
- фонды страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний,
- фонды страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством.

Все эти фонды объединяются в единый фонд социального страхования.

Одной из проблем правового положения данной разновидности страховщика является недостаточное правовое регулирование его страховых функций, т.е. большинство законодательных актов регламентирует их основное назначение, но не регулирует на должном уровне их страховые полномочия.

Кроме того, недостаточно ясно разработан механизм страхового надзора и контроля за данными страховщиками, у них нарушается иерархия общего соподчинения страховщика и органа страхового надзора¹.

Первым фондом социального страхования Российской Федерации является фонд обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством.

Указанный вид страхования появился недавно и касается только беременных женщин и женщин, у которых есть дети в возрасте до 3-х лет. Данные фонды предназначены для компенсации гражданам утраченного заработка (выплат, вознаграждений) или дополнительных расходов в связи с наступлением страхового случая. Тем не менее, в данной организации нет единой системы начисления страховых вы-

¹ См.: Шергунова Е.А. Гражданско-правовое положение основных участников страховых отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Курск. 2013. 29 с.

плат и страховых тарифов между государственными медицинскими учреждениями и частными.

Другим фондом обязательного социального страхования является фонд обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (далее Фонд социального страхования). Одной из главных особенностей такого фонда является то, что он контролируется и подчиняется не федеральным органам страхового надзора, а Счетной палате Российской Федерации. Это же является и недостатком, так как Счетная палата Российской Федерации не обладает необходимым средством для контроля и надзора за страховой деятельностью и, следовательно, не может в должной мере осуществлять проверки страховой деятельности фонда.

Следующим фондом, наделенным полномочиями страховщика, является Пенсионный фонд Российской Федерации, который занимается пенсионным страхованием. Пенсионное страхование кардинально отличается от имущественного страхования, следовательно, и правовое положение фондов пенсионного страхования несколько иное, нежели правовое положение страховых организаций. В первую очередь это проявляется в том, что деятельность пенсионных фондов не является рискованной и вероятность наступления страхового случая (дожития до определённого пенсионного возраста) максимальная. Вторым существенным отличием пенсионных фондов является то, что они поднадзорны сразу двум государственным структурам:

- Минздравсоцразвития России;
- Федеральная служба страхового надзора.

Ввиду этого, часто их полномочия пересекаются между собой, и законодатель пока еще не обозначил четкого разделения сфер влияния данных контролирующих органов. Следовательно, необходимо внести в страховое законодательство ряд поправок и разграничить сферу влияния Минздравсоцразвития и Федеральной службы страхового надзора.

На практике выделяются два вида пенсионных фондов: Пенсионный фонд Российской Федерации и Негосударственный пенсионный фонд.

Негосударственный пенсионный фонд – это особая организационно-правовая форма некоммерческой организации социального обеспечения, исключительными видами деятельности которой являются:

- во-первых, деятельность по негосударственному пенсионному обеспечению участников фонда;
- во-вторых, деятельность в качестве страховщика по обязательному пенсионному страхованию;
- в-третьих, деятельность в качестве страховщика по профессиональному пенсионному страхованию.

Следующей особенностью негосударственного пенсионного фонда является то, что в структуру негосударственного фонда входят органы, не характерные для обычных страховых компаний. Так, для проведения внутреннего контроля за соответствием своей деятельности в фонде вводится должность внутреннего контролера или создаётся отдельное структурное подразделение – служба внутреннего контроля, но данная служба напрямую подчиняется главному исполнительному органу фонда и, следовательно, из-за своей зависимости не может осуществлять проверки на должном уровне.

Тем не менее, у данного фонда есть и ряд преимуществ, которые необходимо учесть другим страховщикам. Так, одним из специфических требований законодателя к фонду является то, что Фонд обязан иметь сайт в сети Интернет, электронный адрес которого включает доменное имя, права на которое принадлежат этому фонду, благодаря чему деятельность такой организации является открытой, публичной и подлежит общественному контролю.

Так же фондом, занимающимся социальным страхованием, является фонд обязательного медицинского страхования, который состоит из Федерального фонда обязательного медицинского страхования и территориальных фондов обязательного медицинского страхования.

Существенным недостатком правового положения данного фонда является отсутствие лицензирования, что мешает контролирующим органам на должном уровне прослеживать деятельность таких страховщиков. Поэтому целесообразно в Закон «Об организации страхового дела в Российской Федерации» внести поправки и обязать фонды медицинского страхования получать лицензию на осуществление своей страховой деятельности.

Договор медицинского страхования. Договор медицинского страхования – это соглашение между страхователем и страховой медицинской организацией, в соответствии с которым последняя обязуется организовывать и финансировать предоставление застрахованному

контингенту медицинской помощи определенного объема и качества или иных услуг по программам ОМС и ДМС.

При этом, кроме собственно договора страхования, страховщик заключает договор с лечебным учреждением о предоставлении медицинской помощи застрахованным.

Перечень лечебных учреждений, работающих в системе ОМС, определяется территориальной программой государственных гарантий обеспечения граждан бесплатной медицинской помощью, а разработка программы ДМС и привлечение лечебных учреждений для ее реализации осуществляются страховой медицинской организацией самостоятельно.

В связи с этим, при заключении договора со страховщиком, страхователь (работодатель, органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления), по существу, выбирает соответствующую сеть лечебных учреждений, которые будут оказывать медицинскую помощь застрахованным.

В случае утраты страхователем в период действия договора обязательного медицинского страхования прав юридического лица вследствие реорганизации или ликвидации предприятия, права и обязанности по указанному договору переходят к его правопреемнику.

При признании судом страхователя недееспособным либо ограниченным в дееспособности в период действия договора добровольного медицинского страхования его права и обязанности переходят к опекуну или попечителю, действующему в интересах застрахованного.

Отказ страховщика от оплаты лечения в медицинском учреждении, которое не работает в системе ОМС, не следует расценивать как ограничение права гражданина на выбор медицинского учреждения и врача, поскольку данное право реализуется лишь в соответствии с договором обязательного медицинского страхования.

Таким образом, при заключении договоров обязательного медицинского страхования предусматривается оплата из средств обязательного медицинского страхования медицинской помощи в объеме и на условиях действующей на данной территории территориальной программы обязательного медицинского страхования.

По договору медицинского страхования пациент имеет право на:

- обязательное и добровольное медицинское страхование;
- свободный выбор страховой медицинской организации;

- свободный выбор медицинского учреждения и врача в соответствии с договорами обязательного и добровольного медицинского страхования;
- получение медицинской помощи на всей территории России, в том числе за пределами постоянного места жительства;
- получение медицинской услуги, соответствующей по объему и качеству условиям договора, независимо от размера фактически выплаченного страхового взноса;
- предъявление иска страхователю, страховой медицинской организации, медицинскому учреждению, в том числе на материальное возмещение причиненного по их вине ущерба, независимо от того предусмотрено это или нет в договоре медицинского страхования.

Законодательство РФ не предусматривает регистрацию граждан по месту жительства или по месту пребывания в качестве условия для их обязательного медицинского страхования и выдачи им страхового полиса. Поэтому при возникновении страхового случая с застрахованным по обязательному медицинскому страхованию за пределами территории страхования медицинские услуги, оказанные в объеме базовой программы обязательного медицинского страхования, оплачиваются территориальными фондами обязательного медицинского страхования по месту оказания медицинской помощи.

Данное положение означает, что граждане, нуждающиеся в оказании медицинской помощи в рамках ОМС, оказавшиеся за пределами своего постоянного места жительства (командировки, выезд на отдых, экскурсии и т.д.), получают ее беспрепятственно в медицинских учреждениях системы ОМС в месте пребывания.

Страховой медицинский полис

Документом, удостоверяющим право застрахованного на получение медицинских услуг, включенных в территориальную программу обязательного медицинского страхования, является страховой полис единой формы для всей территории региона.

Существуют типовые формы страхового медицинского полиса обязательного и добровольного страхования граждан.

Страховой медицинский полис обязательного медицинского страхования является документом, удостоверяющим заключение договора по обязательному медицинскому страхованию граждан, имеющим силу на всей территории Российской Федерации, а также на территориях других государств, с которыми Российская Федерация имеет соглаше-

ния об обязательном медицинском страховании граждан. Форма страхового полиса обязательного медицинского страхования и инструкция по его ведению утверждаются Правительством РФ.

В случае необходимости получения медицинской помощи застрахованным, не имеющим возможности предъявить страховой медицинской полис, он указывает застраховавшую его страховую медицинскую организацию или обращается за подтверждением в ТФОМС, которые обязаны подтвердить медицинскому учреждению факт страхования и обеспечить застрахованного страховым полисом обязательно медицинского страхования.

Полис выдается каждому застрахованному гражданину страховой медицинской организацией. В нем указываются: фамилия, имя, отчество, пол, возраст, место работы, социальное положение, адрес застрахованного, а также срок действия договора.

При увольнении работающего гражданина администрация предприятия обязана получить у него выданный ему полис.

При утрате полиса по личному заявлению гражданина, поданному представителю страхователя или в страховую медицинскую организацию, выдавшую полис, ему выдается дубликат полиса, а в случае смерти застрахованного полис теряет свою силу и подлежит возврату в страховую медицинскую организацию, выдавшую его.

При изменении постоянного места жительства неработающие граждане, в отношении которых заключен договор обязательного медицинского страхования, возвращают полученный полис с последующим получением другого полиса по новому месту жительства.

Страховой полис персонализирует права пациентов и обязательства системы медицинского страхования, что является определенной гарантией равнодоступности медицинской помощи.

При соблюдении правил ведения страхового полиса он позволяет фиксировать каждый случай нарушения обязательств по медицинскому страхованию.

Договор на предоставление лечебно-профилактической помощи.
Договор на предоставление лечебно-профилактической помощи – это соглашение между медицинским учреждением и страховой медицинской организацией, по которому медицинское учреждение обязуется предоставлять застрахованному контингенту медицинскую помощь определенного объема и качества в конкретные сроки в рамках программ обязательного медицинского страхования, а страховая меди-

цинская организация обязуется своевременно и в полном объеме оплачивать произведенные услуги.

Особенностью данного договора является то, что понятия «заказчик» услуги и ее «потребитель» не совпадают, поскольку страховая медицинская организация выполняет функцию посредника между производителем медицинской услуги и ее потребителем и заключает договор на оказание медицинской помощи в интересах потребителя.

В гражданском праве такой договор характеризуется как договор в пользу третьего лица.

В статье 430 ГК РФ указано, что договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнение обязательства в свою пользу.

Застрахованный пациент вправе требовать от медицинского учреждения оказания ему лечебно-профилактической помощи такого вида, объема и качества, которые установлены согласованным сторонами перечнем в соответствии с территориальной программой обязательного медицинского страхования.

Второй участник договора – страховщик – обязан:

- обеспечить надлежащий контроль за соответствием объема и качества оказываемой учреждением лечебно-профилактической помощи условиям договора;
- осуществить перевод в другое медицинское учреждение или пригласить соответствующего специалиста в случае невозможности оказать лечебно-профилактическую помощь, соответствующую условиям договора, силами данного учреждения;
- оказать помощь во взыскании с виновного медицинского учреждения причиненного застрахованному ущерба.

Несмотря на то что пациент имеет статус равноправного участника правоотношений, связанных с оказанием ему медицинской и лекарственной помощи, следует учитывать, что, вступая в эти отношения, он рискует не только своим здоровьем, но и имущественным положением.

В целях предотвращения правонарушений предусмотрены способы обеспечения исполнения обязательств (ст. 329 ГК РФ), а для устранения их последствий установлена ответственность за нарушение обязательств в виде санкции за совершенное правонарушение.

Основной формой ответственности, имеющей общее значение и применяющейся во всех случаях нарушения гражданских прав, если иное не предусматривается договором или законом, является возмещение убытков, которое направлено на восстановление имущественной сферы потерпевшего за счет имущества правонарушителя.

Распространенной формой гражданско-правовой ответственности является уплата неустойки. Неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная договором денежная сумма, которую правонарушитель обязан уплатить потерпевшему в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства.

Реформирование отечественного здравоохранения без разработки основательной и действенной правовой базы невозможно и нереально.

В юридической литературе высказывается точка зрения, согласно которой назрела необходимость принятия в ближайшем будущем Медицинского кодекса Российской Федерации. Медицинский кодекс Российской Федерации в качестве нормативного правового акта, должен регулировать широкий круг отношений и устанавливать юридические институты в следующих направлениях: медико-санитарная помощь, медицинская помощь матери и ребёнку и планирование семьи, обеспечение граждан лекарственными средствами, правовой статус пациента, этико-правовой статус медицинского работника, медико-исследовательское право, медицинская экспертиза. Кодекс должен установить новый социальный стандарт – объём гарантированной медико-санитарной помощи.

Но также ясно, что одним переписыванием законов невозможно решить проблемы реализации права граждан на здоровье, медицинскую помощь. Требуется создание необходимых условий, гарантий, предпосылок, механизмов реализации прав индивида, прежде всего социально-экономических и личных, т. е. преодоление кризиса, причем на главном направлении – получении здоровых индивидуумов общества. При этом важно, чтобы действовали не только юридические, но и социальные, политические, организационные и иные гарантии прав личности.

Исламов А.М.,

аспирант Международного юридического института
Islamov A.M.,
postgraduate student of the International Law Institute

**Массовые беспорядки
и государственное принуждение.
Оружие и предметы, используемые
в качестве оружия при массовых
беспорядках, как элементы
объективной стороны преступления**

**Riots and government coercion. Weapons and items
used as weapons during the riots as the elements of
the objective side of the crime**

Аннотация. В статье рассматриваются элементы объективной стороны преступления: оружие и предметы, используемые в качестве оружия при массовых беспорядках, исследуются взгляды специалистов на проблему и формулируются предложения.

Ключевые слова: массовые беспорядки; применение оружия; предметы, используемые в качестве оружия; метательное оружие; холодное оружие; пневматическое оружие; газовое оружие; взрывные устройства; квалификация массовых беспорядков; государственное принуждение.

Annotation. The article discusses the elements of the objective side of the crime: weapons and items used as weapons during the riots, explores the views of experts on the issue and proposals were formulated.

Keywords: riots; the use of weapons; objects used as weapons; thrown weapons; edged weapons; pneumatic weapons; gas weapons; explosive devices; qualification of the riots; government coercion.

Массовые беспорядки являются одним из опаснейших видов преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. Действия необузданной и неподконтрольной массы людей спо-

собны причинить огромный вред охраняемым законом общественным отношениям, поставить под угрозу жизнь и здоровье людей, причинить большой материальный ущерб, значительно затруднить деятельность органов государственной власти, нарушить работу учреждений и предприятий. Особую опасность при массовых беспорядках представляет применение участниками массовых беспорядков оружия.

Применение оружия при массовых беспорядках отражено в диспозиции ст. 212 УК РФ в качестве одного из признаков объективной стороны данного преступления. Помимо оружия в рассматриваемой статье законодатель перечисляет также взрывные устройства, взрывчатые, отравляющие либо иные вещества и предметы, представляющих опасность для окружающих, под применением которых понимается использование лицами, при совершении массовых беспорядков поражающих свойств вышеуказанных материальных предметов.

В отличие от предыдущей редакции ст. 212 УК РФ № 121 от 03.02.2014 г. новая действующая редакция № 145 от 13.07.2014 г.¹ была существенно расширена и дополнена. Можно предположить, что удалением понятия «огнестрельное оружие» и заменой его на понятие «оружие» законодатель расширил число предметов, применяемых при совершении массовых беспорядков, до тех критериев, по которым Федеральный закон № 150-ФЗ «Об оружии» относит данные предметы именно к оружию.

Согласно ст. 2 Федерального закона № 150-ФЗ «Об оружии» оружие подразделяется на:

– огнестрельное оружие – оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда;

– холодное оружие – оружие, предназначенное для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения;

– метательное оружие – оружие, предназначенное для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение при помощи мускульной силы человека или механического устройства;

¹ Федеральный закон № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. 12 мая. № 19. Ст. 2335.

– пневматическое оружие – оружие, предназначенное для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии сжатого, сжиженного или отвержденного газа;

– огнестрельное оружие ограниченного поражения – короткоствольное оружие и бесствольное оружие, предназначенные для механического поражения живой цели на расстоянии метаемым снаряжением патрона травматического действия, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда, и не предназначенные для причинения смерти человеку;

– газовое оружие – оружие, предназначенное для временного химического поражения живой цели путем применения слезоточивых или раздражающих веществ¹.

Очевиден вывод о том, что под применением оружия при массовых беспорядках следует признавать использование лицами, учиняющими массовые беспорядки, любого из перечисленных видов оружия.

Применение взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих веществ, по сути, аналогично применению вышеупомянутых видов оружия и заключается в использовании различных поражающих свойств вышеуказанных предметов для причинения физического вреда людям или приведения в негодность материальных объектов.

Понятие «... иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих» В.В. Меркурьев и П.В. Агапов трактуют как не относящиеся к взрывчатым и отравляющим, но в то же время представляющие опасность для здоровья людей вещества (ядовитые, едкие, сильнодействующие), например, пиротехнические изделия, дихлорэтан, бензин, баллоны с взрывоопасным газом и т.д.².

Учитывая тот факт, что зачастую при массовых беспорядках лица, составляющие толпу, не располагают оружием, напрашивается вывод о необходимости дополнительно расширить диспозицию ст. 212 УК РФ, изложив её таким образом: «... применением оружия, предметов, используемых в качестве оружия...».

¹ Федеральный закон № 150-ФЗ «Об оружии» ред. от 13 июля 2015 № 230-ФЗ, с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ от 29 июня 2012 № 16-П // Собрание законодательства РФ. 1996. 16 декабря. № 51. Ст. 5681.

² Меркурьев В.В., Агапов П.В. Ответственность за массовые беспорядки: вопросы квалификации и доказывания // Законность. 2015. № 1. С. 54–56.

Говоря о предметах, используемых в качестве оружия, следует учесть Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»¹, который относит к предметам, используемым в качестве оружия, предметы, которыми потерпевшему могли быть причинены телесные повреждения, опасные для жизни или здоровья (перочинный или кухонный нож, бритва, ломик, дубинка, топор, ракетница и т.п.), а также предметы, предназначенные для временного поражения цели (например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные слезоточивыми и раздражающими веществами).

Данная трактовка понятия «предметов, используемых в качестве оружия», по нашему мнению, является удачной, однако, с небольшой оговоркой. Мы считаем, необходимо как можно шире толковать вышеуказанное понятие и признавать предметами, используемыми в качестве оружия, любые объекты материального мира, которые в процессе их применения лицами, учиняющими массовые беспорядки, способны причинить людям опасный для их жизни и здоровья вред.

Кроме того, можно согласиться с позицией М.В. Талан и И.А. Тарханова, отмечающих (применительно к разбою ч. 2. ст. 162 УК РФ), что преступники, будучи изначально осведомлены о наказуемости самого факта ношения и хранения оружия, часто применяют при совершении, к примеру разбоя, такие предметы, как сапожные, хозяйственные и перочинные ножи, топоры и т.д., которые, хотя и не предназначены исключительно для поражения живой цели, могут, тем не менее, причинить существенный вред здоровью потерпевшего².

Помимо вышеизложенного отметим, что Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» законодатель признает, что под предметами, используемыми в качестве оружия, «...при совершении

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»// Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2003.

² Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. – М.: Статут, 2012.

хулиганства, понимаются любые материальные объекты, которыми, исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека»¹.

Подводя итог вышесказанному, можно говорить о необходимости расширения диспозиции ст. 212 УК РФ, путем добавления понятия «предметов, используемых в качестве оружия», что должно способствовать более правильной квалификации.

¹ Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. январь. № 1.

Сборник научных статей аспирантов
Выпуск I

Отв. ред. *А.А. Буреев*
Отв. за выпуск *Н.Ю. Каночкина*
Компьютерная верстка *Н.А. Кузнецова*

Статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать 13.01.2016. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 8,625
Тираж 100 экз. Заказ 160113

Отпечатано в типографии
Международного юридического института
127427, г. Москва, Кашенкин луг, д. 4